

Студенческіе годы.

(Воспоминанія о Варшавскомъ университетѣ).

14 іюня 1872 года я сдалъ послѣдніе два гимназическіе экзамена и готовъ былъ поступить въ университетъ. Сдать въ то время гимназическій экзаменъ не значило еще сдѣлаться студентомъ. Восьмыхъ классовъ гимназій и аттестатовъ зрѣлости въ тѣ годы еще не существовало. Всякій, окончившій 7 классовъ гимназій, долженъ былъ еще подвергнуться до зачисленія въ студенты особому повѣрочному испытанію въ присутствіи университетской коллегіи.

По обстоятельствамъ мнѣ выпало на долю поступить въ Императорскій Варшавскій университетъ, за три года до того преобразованный изъ Варшавской главной школы. Я избралъ юридическій факультетъ.

Вмѣстѣ со мною поступали на тотъ же факультетъ нѣсколько моихъ гимназическихъ товарищей, окончившихъ подобно мнѣ тогда же Варшавскую 1-ю гимназію. Что такое этотъ повѣрочный экзаменъ въ университетѣ, ни я, ни мои товарищи, ни многіе, къ кому я обращался, доподлинно не знали. Хотѣлъ я пріобрѣсти программу этого испытанія, но ея нигдѣ не оказалось, да ея и совершенно не было. Навѣдывался я въ университетъ, но тамъ мнѣ сказали, что будетъ повѣрка званій нашихъ профессорами и только. Признаться, эта повѣрка меня не мало смущала въ теченіе всѣхъ каникулъ. Однако дѣлать было ничего. Пришлось опять взяться за только что оставленные гимназическіе учебники и кой-что повторять по нимъ. Въ университетѣ, куда я частенько заходилъ, я узналъ, что повѣрочные экзамены назначены на конецъ августа и вскорѣ затѣмъ было вы

вѣшено росписаніе ихъ, которое внимательно читали являшіеся подобно мнѣ по тому же случаю въ университетъ молодые люди, окончившіе въ этомъ году гимназическій курсъ. Были и семинаристы. Наконецъ, томительно ожидаемый мною, да, вѣроятно, и другими, день повѣрочныхъ экзаменовъ наступилъ.

Университетъ открылъ намъ свои двери.

Не скажу, чтобы этотъ, какъ его принято называть, храмъ науки произвелъ на меня подавляющее или даже благоговѣйное впечатлѣніе.

Храмъ этотъ во многомъ, въ очень многомъ напоминалъ оставленную мною гимназію. Простота и отсутствіе всякаго величія бросались въ глаза на каждомъ шагѣ. Корридоръ только былъ шире гимназическаго, да аудиторіи побольше классовъ, вотъ и все. Экзаменъ былъ назначенъ въ первый день почему-то вечеромъ. Пригласили насъ, желающихъ поступить на юридическій факультетъ, въ особую аудиторію, куда вскорѣ явился маленькій человекъ въ форменномъ сюртукѣ, удивительно кривлявшійся и некрасивый. Это былъ профессоръ русскаго и церковно-славянскаго языка Колосовъ. Онъ предложилъ намъ написать подъ его диктовку стихотвореніе Лермонтова „Родина“. Страннымъ показалось мнѣ, что окончившихъ гимназію испытываютъ въ диктовкѣ на подобіе учениковъ 2 или 3 класса. Пришлось, однако, писать эту диктовку, которую затѣмъ тотъ же профессоръ унесъ съ собою, и я, по крайней мѣрѣ, не узналъ никогда, какъ написалъ ее. Затѣмъ тотъ же профессоръ съ другимъ—профессоромъ русской исторіи или, какъ его называли въ шутку,—я узналъ это впоследствии,—докторомъ царевны Софіи Алексѣевны,—за монографію о которой онъ получилъ степень доктора русской исторіи, Аристовымъ, предложили намъ выбрать изъ числа нѣсколькихъ данныхъ имя темъ одну и написать по ней разсужденіе. Я выбралъ тему о Владимірѣ Мономахѣ и, конечно, многого и новаго ничего написать я не могъ, тѣмъ болѣе, что въ распоряженіе былъ данъ какой-нибудь часъ времени; ограничился я только тѣмъ, что зналъ объ этомъ князѣ изъ учебника Иловайскаго и „Поученія дѣтямъ“. О результатѣ и этой работы я тоже ничего не зналъ.

Экзамены шли за экзаменами въ разныхъ аудиторіяхъ въ теченіе нѣсколькихъ дней. Въ одномъ мѣстѣ экзаменовались юристы, въ другомъ математики, тамъ филологи и, наконецъ, медики. По нѣкоторымъ предметамъ, напр., исторіи экзаменовали юристовъ и филологовъ вмѣстѣ; по древнимъ языкамъ къ нимъ присоединили и медиковъ.

Замѣчательнъ былъ экзаменъ по русской литературѣ и славян-

скому языку. Экзаменовали тѣ же Колосовъ и Аристовъ. Случалось, что вопросы, предлагаемые ими, были для насъ совершенно новы, особенно по древней литературѣ, и тогда мы ссылались на то, что этого у насъ не преподавали. Не разъ приходилось намъ выслушивать, особенно отъ г. Аристова, насмѣшки по адресу нашихъ преподавателей. По церковно-славянскому языку знатокъ его Колосовъ, проэкзаменовавъ нѣсколькихъ изъ моихъ товарищей по 1-й гимназiи, заявилъ Аристову, какъ ассистенту, при одномъ моемъ неудачномъ отвѣтѣ, что вообще неачѣмъ насъ и экзаменовать по этому языку, такъ какъ все равно ни одинъ изъ насъ ровно ничего не знаетъ. И это было совершенно вѣрно. Славянскій языкъ мы проходили слегка, кажется, въ четвертомъ классѣ, потомъ, конечно, основательно все забыли и только въ 7 классѣ стали повторять это немного, но такъ какъ на языкъ этотъ нашъ гимназическій педагогъ особенно не налегалъ, то мы объ этомъ языкѣ имѣли очень слабое понятіе. А тутъ пришлось держать по немъ экзаменъ передъ специалистомъ профессоромъ. Натурально, что мы торжественно провалились.

Экзаменовали насъ, юристовъ, по русской и всеобщей исторiи, латинскому и греческому языкамъ. При этихъ испытанiяхъ изъ предѣловъ гимназическаго курса выходили мало, да и профессора попались довольно снисходительные. Всѣ они напоминали мнѣ нашихъ учителей и профессорскаго, въ томъ видѣ, какъ я въ качествѣ новичка представлялъ его себѣ, оказалось въ нихъ мало. Были между ними, однако, и извѣстные ученые, напр., проф. всеобщей исторiи полякъ Павинскій, серьезный человекъ со скорбнымъ выраженiемъ лица. Спрашивалъ онъ меня о германскомъ императорѣ Карлѣ IV, и я ему рассказалъ все, что зналъ по Иловайскому, за что онъ и поставилъ мнѣ 4.

Наконецъ, повѣрочные экзамены кончились. Черезъ день или два узнаемъ, что мы, говорю о выпускныхъ ученикахъ 1-й гимназiи, въ количествѣ 6—7 человекъ изрядно такъ порѣзались, но объ этомъ рѣчь впереди. Тѣмъ не менѣе, однако, послѣ тревожнаго ожиданiя нашей участи мы прочли на вывѣшенномъ объявленiи, что всѣ мы приняты въ число студентовъ. Изъ числа моихъ товарищей по гимназiи на математическiй факультетъ поступилъ одинъ, на медицинскiй—одинъ и юридическiй шесть человекъ, при чемъ одинъ полнымъ слушателемъ, т. е., вѣроятно, совсѣмъ уже плохо держалъ повѣрочный экзаменъ. Здѣсь я долженъ забѣжать немного впередъ.

Результаты нашихъ повѣрочныхъ экзаменовъ сказались спустя полгода,—зимою. Тогда именно обнаружилось, что нѣкоторые изъ профессоровъ, производившихъ повѣрку гимназическихъ знанiй вновь поступавшихъ студентовъ, дѣйствовали подъ влiянiемъ ректора уни-

верситета Лавровскаго, который будто бы поставилъ себѣ цѣлью доказать кому слѣдуетъ, что преподаваніе въ гимназіяхъ Варшавскаго учебнаго округа, особенно русскаго языка, исторіи и литературы, стоитъ не на надлежащей высотѣ и ведется не въ русскомъ духѣ. Ударъ направлялся противъ попечителя округа Э. Э. Витте, чело- вѣка нѣмецкаго происхожденія. Витте имѣлъ покровителя въ лицѣ тогдашняго намѣстника Царства Польскаго графа Берга, тоже лица несомнѣнно нѣмецкаго происхожденія. Лавровскій, говорятъ, прикрывался министромъ народнаго просвѣщенія извѣстнымъ графомъ Д. А. Толстымъ, который былъ нерасположенъ къ Витте, какъ ино- родцу, но Витте пользовался сверхъ того протекціей принца Ольден- бургскаго, попечителя училища Правовѣдѣнія, и былъ даже лично извѣстенъ Государю Александру II. Какъ бы тамъ ни было, инци- дентъ былъ исчерпанъ такимъ образомъ, что Витте восторжество- валь, а ректоръ Лавровскій былъ переведенъ тогда же на должность попечителя Оренбургскаго учебнаго округа.

Мнѣ пришлось только видѣть его и то два—три раза. Это былъ чело- вѣкъ суровой наружности и, повидимому, сухой ученый; ученый онъ, однако, былъ извѣстный; въ университетѣ онъ читалъ на фило- логическомъ факультетѣ сравнительную грамматику. Имѣла ли ука- занная выше исторія другія, болѣе важныя послѣдствія, мнѣ не из- вѣстно. Возвращаюсь къ началу занятій. Открытіе лекцій было на- значено на 4 сентября. Неудивительно, что въ этотъ день я былъ въ аудиторіи, гдѣ должна была происходить первая лекція по исторіи римскаго права, за долго до начала ея. Долженъ сказать, что мо- лодежь собралась въ очень большомъ количествѣ. Какъ водится, болѣе предусмотрительные захватили мѣста на первыхъ скамьяхъ, опоздавшіе сѣли подалше. Грѣшный чело- вѣкъ, на первыхъ же порахъ вступленія въ храмъ науки и, каюсь въ томъ, сдѣлалъ большую оплошность. Не взирая на то, что на первыхъ скамьяхъ всѣ мѣста были уже заняты—студенты занимали ихъ, помѣщая въ ящики скамеекъ свои фуражки и тетради для записыванія лекцій, я рѣшилъ, что долженъ получить мѣсто на первой скамьѣ, и поло- жилъ свою тетрадь и фуражку въ ящикъ, гдѣ уже что-то лежало. Вскорѣ явился занявшій раньше меня это мѣсто, и надо было ви- дѣть его,—справедливое, впрочемъ,—негодование по поводу моей продѣлки. Я долго потомъ слышалъ сзади себя его сердитый голосъ и рассказы нѣсколькимъ чело- вѣкамъ о моей продѣлкѣ. Несомнѣнно продѣлка была мальчишеская. Студента этого, поляка К., я хорошо потомъ помнилъ. Дальнѣйшихъ послѣдствій это происшествіе не имѣло, но я самъ устыдился, раздумавъ о своемъ поступкѣ.

Но вотъ все стихло, и появился на кафедрѣ профессоръ. Сту-

денты не приветствовали его однако, подобно, гимназистамъ вставаніемъ.

Профессоръ оказался сравнительно молодымъ человекомъ лѣтъ 30-ти. Лекція его ничего особеннаго въ себѣ не заключала. Это было самое обыкновенное введеніе въ курсъ исторіи римскаго права. Профессоръ Д. полякъ, — хотя далеко не принадлежалъ не только къ свѣтиламъ науки, но считался даже однимъ изъ самыхъ слабыхъ профессоровъ юридическаго факультета, оказался тѣмъ не менѣе человекомъ вполне приличнымъ. Читалъ онъ жидкій, очень жидкій курсъ исторіи римскаго права на 1-мъ курсѣ и догму права на 2-мъ и то по тетрадкѣ, но къ студентамъ не придирался и на экзаменахъ велъ себя порядочно, что не всегда можно сказать о слабыхъ профессорахъ, которые свою бездарность желаютъ прикрыть ненужною строгостью и педантизмомъ, примѣръ чего укажу въ дальнѣйшемъ изложеніи.

Профессоръ Д. какъ началъ курсъ, такъ и продолжалъ его, читая по тетрадкѣ, при чемъ изрѣдка сходилъ съ кафедръ и вступалъ со студентами въ бесѣду по поводу прочтеннаго. Экзаменъ у него оказался не труднымъ. Въ слѣдующемъ году онъ читалъ на 2-мъ курсѣ догму права съ такимъ же успѣхомъ.

Послѣ исторіи римскаго права пошли въ тотъ же день и послѣдующія лекціи исторіи Россіи, исторіи философіи древней и новой исторіи, всеобщей, средней и новой, логики, русскаго языка, которыя мы слушали совмѣстно съ филологами. Читалась намъ изъ юридическихъ наукъ кромѣ исторіи римскаго права энциклопедія юридическихъ и политическихъ наукъ. Утромъ ежедневно отъ 8 до 9 часовъ читался совмѣстно съ филологами французскій и нѣмецкій языки, и послѣднія лекціи посвѣщались по выбору, т. е. того или другого языка. Вотъ и всѣ предметы, которые я слушалъ въ теченіе 1-го курса.

Энциклопедія юридическихъ наукъ читалась солиднымъ, пожилымъ уже профессоромъ полякомъ К.; онъ былъ, кажется, раньше профессоромъ Краковскаго или Львовскаго университета. Несмотря на всѣ свои почтенныя качества, несмотря на всю свою проглядывавшую въ лекціяхъ несомнѣнную ученость и эрудицію, профессоръ К. подъ именемъ энциклопедіи юридическихъ наукъ преподносилъ намъ въ полномъ смыслѣ винегретъ изъ исторіи философіи и права. Весь курсъ его заключался во введеніи и разнаго рода общихъ обзорахъ; до самаго же предмета онъ такъ такъ и не добрался. Судя по той программѣ, которую онъ намъ намѣтилъ въ одномъ изъ общихъ обзоровъ, курсъ его долженъ былъ растянуться на нѣсколько лѣтъ, въ его же распоряженіи былъ только годъ съ пятью лекціями

въ недѣлю. Читалъ онъ по тетради и начиналъ всегда очень тихо, затѣмъ оживлялся и говорилъ громче. Съ внѣшней стороны его лекціи оставляли желать довольно многого, но матеріалъ сырой онъ давалъ въ обильномъ количествѣ. Чего только въ этихъ лекціяхъ не было. Профессоръ видимо самъ былъ подавленъ своими познаніями и обиліемъ нагромождаемыхъ имъ свѣдѣній; онъ постоянно отвлекался въ сторону, и мы не могли положительно уловить какой-либо системы въ его изложеніи. Лекціи К. были по-просту ученымъ разговоромъ—много знающаго учителя съ учениками. Другого значенія они не имѣли и понятіе объ энциклопедіи права, какъ наукѣ, давали слабое. При всемъ томъ, однако, не могу не сознаться, что, несмотря на всякое отсутствіе системы, профессоръ К. приносилъ несомнѣнно пользу своимъ слушателямъ, развивая ихъ въ научномъ отношеніи и сообщая свѣдѣнія главнымъ образомъ изъ исторіи и философіи права. К. за свои внутреннія качества пользовался большимъ уваженіемъ какъ профессорской коллегіи, такъ и студентовъ. Подсмѣиваясь надъ его общими обзрѣніями, отклоненіями въ сторону и отсутствіемъ системы въ преподаваніи, послѣдніе его все-таки искренно уважали.

Русскую исторію читалъ извѣстный уже профессоръ Аристовъ. Это былъ довольно ярко выраженный типъ. Средняго роста, коренастый, съ большой окладистой черной бородой и такими длинными же волосами онъ держался, что называется, разухабисто. Кланялся, входя въ аудиторію, по-купечески всѣмъ корпусомъ. На первыхъ же порахъ поражала его нервность. Видимо было, что человѣку не по себѣ, что онъ старается придать себѣ бодрости и показать свою независимость. Нужно замѣтить, что Аристовъ принадлежалъ къ числу профессоровъ полякофобовъ и, входя въ соприкосновеніе съ массою студентовъ поляковъ, которые въ университетѣ вообще и у насъ на юридическомъ факультетѣ представляли въ мое время $\frac{9}{10}$ всего количества студентовъ, не могъ не быть постоянно насторожбъ, зная, что поляки студенты хорошо освѣдомлены относительно его взглядовъ на все польское и на нихъ, какъ представителей польскаго общества.

Аристовъ видимо отличалъ русскихъ студентовъ отъ поляковъ. Въ этомъ я убѣдился по собственному опыту. Когда мнѣ пришлось держать у него экзаменъ при переходѣ на 2-ой курсъ, то я на какой-то вопросъ Аристова имѣлъ неосторожность отвѣтить: „это объясняется очень просто“. Вѣроятно, увѣренный и, можетъ быть, даже развязный мой тонъ не понравился Аристову, который вообще считался довольно строгимъ профессоромъ. „Какъ это такъ для насъ это просто“, заявилъ онъ мнѣ, и тутъ же я замѣтилъ, что онъ на-

етройлся довольно враждебно противъ меня и сталъ строго относиться къ послѣдующимъ моимъ отвѣтамъ. Того, что называютъ срѣзаться, я не боялся, потому что аккуратно посѣщаль лекціи и хорошо былъ ознакомленъ съ курсомъ, но все-таки положеніе оказалось неприятнымъ. Послѣ ряда отвѣтовъ я уже рассчитывалъ получить не болѣе 3, но тутъ же на моихъ глазахъ профессоръ взглянулъ, перевернувъ страницу, въ печатный списокъ студентовъ, гдѣ противъ фамиліи cadaго было отмѣчено, какого кто изъ нихъ вѣроисповѣданія, а это означало и происхожденіе русское, польское, нѣмецкое или еврейское. Видя, что противъ моей фамиліи стояло „православный“, профессоръ смягчился, и поставивъ мнѣ, несмотря на прежнее недовольство, 4, отпустилъ меня. Я увѣренъ, что, будь я другого происхожденія, мнѣ пришлось бы похуже.

Читалъ Аристовъ русскую исторію съ самыхъ древнихъ временъ и начиналъ чуть ли не съ каменнаго вѣка, держался больше изложенія внутренней жизни, нравовъ, религій, обычаевъ, экономического быта и т. под. и дошелъ къ концу года, кажется, до временъ Татарскаго ига. Выдающагося курсъ этотъ ничего собою не представлялъ. Профессоръ читалъ громко, довольно увѣренно и заглядывалъ въ конспектъ. Цитаты и тексты источниковъ приводилъ часто изъ лежащей у него на кафедрѣ исторической христоматіи, но чьей не помню. Послѣ экзамена на 2-ой курсъ онъ оставилъ Варшавскій университетъ и перешелъ въ какое-то другое высшее учебное заведеніе въ Россіи.

Всеобщую исторію читалъ очень древній профессоръ Ковалевскій—полякъ, бывший долгое время профессоромъ и даже ректоромъ Казанскаго университета. Онъ былъ далеко не безвѣстный ориенталистъ и въ теченіе многихъ лѣтъ изучалъ монгольскую словесность въ самомъ Китаѣ. Въ мое время это былъ человекъ уже доживавшій свою ученую дѣятельность. На кафедре онъ входилъ медленно, читалъ по особымъ переплетеннымъ книгамъ слабымъ голосомъ и монотонно.

Замѣчательно, что нѣкоторыя мѣста его лекцій по новой исторіи являлись буквальнымъ повтореніемъ цѣлыхъ страницъ извѣстнаго въ началѣ 60 годовъ учебника исторіи кіевскаго профессора Шульгина. Мы студенты недоумѣвали: Шульгинъ ли сдѣлалъ замѣстоуваніе у Ковалевскаго, или послѣдній у Шульгина. Такъ наше недоумѣніе и осталось неразрѣшеннымъ, по крайней мѣрѣ, для меня, и по настоящее время. Лекціи Ковалевскаго посѣщались сначала усердно, но затѣмъ, благодаря свотворному чтенію и, главнымъ образомъ, тому, что многое изъ нихъ находилось въ учебникахъ Шульгина, число слушателей у этого профессора стало замѣтно умень-

шаться и изъ четырехъ курсовъ: двухъ первыхъ филологическаго факультета и двухъ такихъ же юридическаго бывало на лекціи десятка два студентовъ, тогда какъ должно было бы присутствовать не менѣе 150 человѣкъ (филологовъ вообще было мало въ университетѣ и преобладали юристы).

Курсъ Ковалевскаго, по-моему, приносилъ мало пользы слушателямъ; онъ вообще не отличался отъ гимназическаго. Оригинально происходила у этого профессора экзамень. Студенты знали очень мало и только то, что помнили изъ гимназіи. Полагаясь на общеизвѣстную снисходительность профессора, они мало заботились даже о томъ, чтобы возобновить гимназическія знанія и являлись на экзамень совершенно неподготовленными. Профессоръ, видя, что студентъ молчитъ, часто самъ рассказывалъ ему вкратцѣ содержаніе его билета и ставилъ неизмѣнно или 4, или 5. Студенты шутили, что если Ковалевскій почему-либо первому приступившему къ экзамену студенту поставилъ 5, то второму неукоснительно ставилъ только 4, затѣмъ опять 5 и 4 и т. д.—Я этого не провѣрилъ и думаю, что это шутка.

Ковалевскій, благодаря своей продолжительной службѣ, считался самымъ старшимъ членомъ профессорской корпораціи и постоянно исполнялъ должность ректора во время отсутствія послѣдняго. Къ нему вообще относились съ большимъ уваженіемъ за его прежнія ученія заслуги.

Мнѣ приходится теперь перейти къ красѣ не только Варшавскаго университета—впрочемъ, увы, въ теченіе очень непродолжительнаго времени, но и всей русской науки. Я говорю о профессорѣ исторіи философіи и психологіи М. М. Троицкомъ. Убѣжденный приверженецъ англійской философіи, Троицкій преподавалъ сначала въ Кіевской духовной академіи, затѣмъ въ Казанскомъ, Варшавскомъ и наконецъ Московскомъ университетѣ. Это была обаятельная личность. Онъ былъ во всѣхъ отношеніяхъ идеальнымъ профессоръ. Глубокія знанія, острый умъ, ясность пониманія соединились у него съ удивительною образностью изложенія и замѣчательнымъ даромъ увлекать слушателей. Когда Троицкій читалъ свои лекціи, то было истиннымъ наслажденіемъ не только слушать, но смотрѣть на него; вы почти видѣли, какъ у него возникали въ головѣ мысли, которыя онъ старался въ изящной и понятной формѣ сейчасъ же изложить своимъ слушателямъ. Про него можно сказать, что онъ разжевывалъ науку и вкладывалъ ее въ головы студентовъ. Къ этому слѣдуетъ прибавить чарующую улыбку, которая при удачномъ выводѣ или обобщеніи появлялась на лицѣ профессора, и нѣкоторые его жесты, вполне гармонировавшіе съ его рѣчью. Сравне-

нія его бывали очень поэтичны, рѣчь пластическая и во всякомъ словѣ проглядывало глубокое знаніе. Троицкій прочелъ намъ первокурсникамъ въ теченіе года курсъ древней философіи, закончивъ его Аристотелемъ. Долго потомъ хранилъ я записки по его курсу, и не разъ онѣ помогали мнѣ уяснить многіе вопросы древней философіи. На второмъ курсѣ Троицкій читалъ въ томъ же году психологію и говорятъ, такъ же увлекательно, какъ и древнюю философію. Послѣ моего перехода на второй курсъ онъ былъ переведенъ въ Москву, и Варшавскій университетъ потерялъ авѣзду первой величины.

Знаменательно для меня лично то, что, несмотря на увлеченіе Троицкимъ и его лекціями, я на переводномъ экзаменѣ съ 1-го курса на 2-й получилъ по его предмету только 3, единственную тройку за все продолженіе курса. Дѣло въ томъ, что на мою долю выпало отвѣчать по билету о первомъ греческомъ философѣ Фалесѣ. Философія послѣдняго была, какъ извѣстно, крайне скудна, и мнѣ пришлось отвѣтить очень не много—можетъ быть, за это я и получилъ только 3.

Исторію новой философіи и логику читалъ профессоръ Генрихъ Струве. Это былъ воспитанникъ германскихъ университетовъ, нѣмецъ, и писалъ сочиненія по философіи, главнымъ образомъ, на нѣмецкомъ и отчасти на польскомъ языкѣ; по-русски онъ писалъ мало. Диссертация его на русскую степень доктора философіи „Самостоятельное начало душевныхъ явленій“ вызвала большой шумъ въ свое время (1870 году) въ ученномъ мірѣ въ Россіи. На нее напали Н. Аксаковъ въ статьѣ „Подспудный матеріализмъ“, Усовъ и Страховъ. Защиту Струве взялъ на себя извѣстный профессоръ Юркевичъ. Полемика велась очень страстно, такъ какъ и Струве отвѣчалъ своимъ противникамъ, которые увидѣли въ немъ скрытаго матеріалиста, тогда какъ Струве во всѣхъ своихъ трудахъ является, напротивъ, поклонникомъ системы идеальнаго реализма, противникомъ позитивизма и систему эту проводилъ въ своихъ лекціяхъ.

Струве представлялъ собою типъ добросовѣстнаго и уравновѣшеннаго нѣмецкаго ученаго и профессора. Русскимъ языкомъ онъ владѣлъ на столько хорошо, что не сразу можно было признать въ немъ иностранца. Читалъ онъ по тетради, и правду сказать, довольно такъ монотонно. Какое сравненіе съ Троицкимъ! Но лекціи его все же были обработаны, удобопонятны, отличались систематичностью, и желающимъ онъ давалъ хорошее руководство при изученіи и уясненіи трудныхъ вопросовъ философіи. Профессоръ несомнѣнно владѣлъ своимъ предметомъ и преподносилъ слушателямъ, если не прекрасно приготовленную, то во всякомъ случаѣ

полезную и удобоваримую умственную пищу. На первых порах насъ, новичковъ, не привыкшихъ разбираться въ отвлеченныхъ вопросахъ, лекціи Струве приводили въ отчаяніе. Но въ этомъ насколько не былъ повиненъ профессоръ, а наше сравнительно малое развитіе для воспріятія философскихъ вопросовъ. Струве читалъ довольно быстро, и это обстоятельство мѣшало многимъ изъ студентовъ записывать его лекціи дословно. Студенты на первыхъ порахъ не понимали, что это напрасный трудъ, и только спустя два-три мѣсяца стали записывать сущность излагаемаго, и это было сдѣлать тѣмъ легче, что профессоръ читалъ вполне удобопонятно и мысли развивалъ подробно. По себѣ судя, могу сказать, что лекціи Струве, быть можетъ и неблестящія по изложенію, но основательныя по своему содержанію, впоследствии не мало помогли мнѣ въ уясненіи трудныхъ философскихъ проблемъ, излагаемыхъ, какъ извѣстно, иногда очень туманно. Болѣе яснаго изложенія философскихъ системъ, чѣмъ у Струве, мнѣ не приходилось впоследствии встрѣчать нигдѣ, даже у прославленнаго по своей популярности изложенія Льюиса. Струве, поселившись въ Варшавѣ, ассимилировался здѣсь и могъ даже сойти за поляка. По крайней мѣрѣ онъ не мало писалъ и по-польски и читалъ публичныя лекціи. Публичныя лекціи онъ читалъ, впрочемъ, и по-русски для русской публики, вполне удачно, занимательно и удобопонятно. Струве былъ не только философомъ, но ему не чужды были вопросы искусства, и по этому поводу онъ писалъ статьи и читалъ лекціи. Вообще это былъ далеко не узкій спеціалистъ, но человекъ многосторонне развитой. Онъ очень долго профессорствовалъ въ Варшавскомъ университетѣ и, только выслуживъ пенсію, сравнительно недавно переселился въ Англію, гдѣ, кажется, здравствуетъ и понынѣ, хотя ему не менѣе 70 лѣтъ. Нужно замѣтить, что его изложеніе логики настолько удобопонятно, что по его учебнику она преподавалась въ гимназіяхъ Варшавскаго учебнаго округа. „Введеніе въ философію“ можетъ служить настольной книгой для всякаго занимающагося вопросами отвлеченнаго мышленія.

Въ Варшавскомъ университетѣ студенты первыхъ курсовъ всѣхъ четырехъ факультетовъ—должны были по уставу слушать лекціи русскаго языка. Языкъ этотъ читался на томъ основаніи, что поляки, которыхъ было въ Варшавскомъ университетѣ подавляющее большинство ($\frac{9}{10}$ всего числа студентовъ), вообще плохо владѣютъ этимъ языкомъ, и потому университетское преподаваніе имѣло цѣлью восполнить недостаточность вынесенныхъ изъ гимназій знаній по этому предмету. Русскій языкъ преподавался и спеціально филологамъ, но здѣсь имѣлась въ виду чисто научная

цѣль, и преподавалъ его другой профессоръ, извѣстный уже Колосовъ.

Студентамъ первыхъ курсовъ преподавалъ русскій языкъ Николай Васильевичъ Бергъ, личность во многихъ отношеніяхъ оригинальная и даже не безъизвѣстная. Бергъ не имѣлъ никакой ученой степени и не былъ ученымъ, но сдѣлался таковымъ въ силу обстоятельствъ и по волѣ начальства. Онъ былъ просто-на-просто литераторъ средней руки. Нося нѣмецкую фамилію, Бергъ былъ тѣмъ не менѣе настоящимъ москвичемъ и тяготѣлъ къ московскому кружку Погодина, гдѣ имѣлъ связи. Кой-что онъ писалъ по части путешествій, кой-что переводилъ; главнымъ своимъ литературнымъ трудомъ онъ считалъ переводъ на русскій языкъ поэмы польскаго поэта Мицкевича: „Панъ Тадеушъ“. Переводъ этотъ, впрочемъ, общезвѣстенъ.—Бергъ отличался большимъ ростомъ и громкимъ зычнымъ голосомъ. Не имѣя ровно никакихъ правъ на профессорское званіе, онъ, какъ я сказалъ, не будучи профессоромъ, пользовался его правами. Получалъ онъ содержаніе экстраординарнаго профессора и, будучи всего лишь лекторомъ, слылъ за профессора и, кажется, самъ повѣрвалъ тому, что онъ профессоръ; по крайней мѣрѣ, онъ нисколько не возражалъ противъ того, когда въ русскомъ обществѣ называли его профессоромъ. Въ общемъ, преподаваніе Берга было довольно таки безуспѣшно. Взявъ нѣсколько грамматикъ русскаго языка, нашъ лекторъ составилъ изъ нихъ свой курсъ грамматки, мало чѣмъ отличавшійся отъ гимназическаго. Читался этотъ курсъ въ огромной XII аудиторіи университета съ громадной, особаго устройства кафедрой, громкимъ голосомъ съ театральными повышеніями и пониженіями голоса. Нужно правду сказать, что по части голоса и дикціи Бергъ никому не уступалъ.—Это обстоятельство дѣлало его лекціи до нѣкоторой степени занятными. Для русскихъ студентовъ, хорошо владѣвшихъ своимъ языкомъ, эти лекціи были бесполезны, да и студенты-поляки врядъ ли чему могли научиться изъ нихъ. Преподаваніе развообразилось чтеніемъ лекторомъ нѣкоторыхъ произведеній Пушкина, Лермонтова, Гоголя и др. Надо отдать справедливость—читалъ Бергъ мастерски и это, главнымъ образомъ, привлекало въ его аудиторію студентовъ. Устраивалъ онъ и, если можно такъ назвать, практическія занятія, которыя состояли въ томъ, что читался отрывокъ изъ какого-либо иностраннаго автора, главнымъ образомъ, Гейне, и студенты общими усиліями переводили его на русскій языкъ, при чемъ главная забота заключалась въ томъ, чтобы переводъ былъ сдѣланъ чистымъ русскимъ языкомъ и образно.

Лекціи Берга иногда посѣщалъ попечитель учебнаго округа

Ө. Ө. Витте, жившій въ зданіи университета. Не будучи ученымъ, но обыкновеннымъ администраторомъ, Витте очевидно прельщался довольно простой и наивной, но тѣмъ не менѣе занимательной формой преподаванія Берга. Тогда и попечитель, и лекторъ иногда поцеремѣнно пускались въ объясненіе полякамъ-студентамъ какого-либо русскаго малоупотребительнаго слова. Казалось, что найдшсь въ 3, 4 классѣ гимназій, гдѣ сразу два снисходительные наставника просвѣщаютъ учениковъ. На экзаменѣ русскаго языка у Берга, не знаю только по чьей инициативѣ, — вѣроятно того же Ө. Ө. Витте, два—три лучше другихъ отвѣчавшихъ по русскому языку студента записывались Бергомъ и затѣмъ удостоивались полученія изъ средствъ учебнаго округа денежной награды. Такииъ образомъ, и я получилъ за свой отвѣтъ на экзаменѣ въ началѣ слѣдующаго года 25 руб. въ видѣ награды.

Будучи лекторомъ въ университетѣ, Бергъ, благодаря своимъ связямъ и умѣлости, добился назначенія его редакторомъ единственнаго печатнаго органа на русскомъ языкѣ въ Царствѣ Польскомъ — „Варшавскаго Дневника“ — „Варшавскій Дневникъ“, какъ и теперь, такъ и въ то время былъ субсидируемъ правительствомъ, и положеніе его редактора представлялось въ матеріальномъ отношеніи очень заманчивымъ. Газеты этой Бергъ не подыалъ на ту высоту, на которой она могла бы находиться при талантливомъ и, главное, не жалѣющемъ своего труда и средствъ редакторѣ.

Читались намъ и два новые языка. Я посѣщаль лекціи нѣмецкаго, т. е. допускался выборъ того или другаго. Лекціи этихъ языковъ начивались рано, въ 8 часовъ утра, но слушателей какъ у того, такъ и другаго лектора было достаточно.

Нѣмецкій языкъ преподавалъ полякъ Валерій Пржиборовскій, довольно извѣстный польскій литераторъ; онъ же былъ, кажется, библіотекаремъ въ одной частной библіотекѣ какого-то польскаго магната. Читались лекціи новыхъ языковъ въ теченіе 2-хъ лѣтъ, т. е. 1 и 2 курсовъ. Малая до удивительнаго подготовленность слушателей по этимъ языкамъ дѣлала преподаваніе до крайности элементарнымъ, напр. по нѣмецкому языку одну лекцію дѣлались переводы съ русскаго напр. какого-либо отрывка изъ извѣстнаго русскаго писателя, а другаю переводилась проза — „Тридцатилѣтняя война“ Шллера и поэзія „Мессинская невѣста“ его же. Никакихъ при этомъ грамматическихъ правилъ не проходило и объясненій не дѣлалось. При этомъ происходила нерѣдко удивительные курьезы. Нѣкоторые студенты, особенно изъ семинаристовъ, которые, какъ извѣстно, не проходятъ новыхъ языковъ, буквально не умѣли читать по-нѣмецки и слова произносили

самымъ убійственнымъ образомъ. Хороши были тоже и гимназисты. Приходилось поражаться, что они дѣлали въ гимназіи по языку, въ теченіе семи лѣтъ. Вотъ и попробуйте читать языкъ подобной аудиторіи. Слушатели смотрѣли на посѣщеніе лекцій какъ на неизбежную необходимость для полученія на экзаменѣ удовлетворительной отмѣтки, а лекторъ стремился добросовѣстно переводить и только. Несомнѣнно, что при желаніи у лектора было въ распоряженіи очень дѣйствительное средство заставить студентовъ что-нибудь знать по языку—это экзаменъ. Требуя онъ не дѣтскаго лепета, но знанія языка и проваливая на экзаменѣ нерадивыхъ и относящихся спустя рукава къ предмету, и можно было быть увѣреннымъ, что польза отъ преподаванія непременно обнаружилась бы. Но къ сожалѣнію, лектору и въ голову не приходило заставлять студентовъ что-либо знать, а послѣдніе продолжали оставаться гимназистами, привыкшими ничего не дѣлать по языкамъ. Такимъ образомъ, польза отъ преподаванія сводилась къ нулю. Странно, какъ, преподавая языкъ въ теченіе цѣлаго ряда лѣтъ, человѣку не пришла въ голову мысль, что онъ собственно занимается толченіемъ воды и что онъ совершенно бесполезенъ, какъ человѣкъ не додумался до того, что самый способъ преподаванія надо измѣнить и принять мѣры, которыя самъ собою напрашивались.

Съ преподаваніемъ французскаго языка, лекціи котораго я посѣщала рѣдко, было не лучше. Студенты читали плохо, произносили варварски и также недобросовѣстно относились къ дѣлу. Лекторомъ былъ извѣстный въ Варшавѣ преподаватель во многихъ учебныхъ заведеніяхъ Плонскій. Онъ славился умѣніемъ преподавать образно правила грамматики и, говорятъ, выучивалъ своихъ воспитанниковъ языку если не вполнѣ, то во всякомъ случаѣ лучше, чѣмъ другіе. Какъ онъ преподавалъ въ университетѣ, сказать не могу, п. ч. лекцій его почти не посѣщала. Памятна мнѣ одна лекція, когда онъ заставлялъ своихъ слушателей по очереди читать по-французски отрывокъ изъ хрестоматіи съ цѣлью провѣрить произношеніе, и что же? Почти ни одинъ студентъ не произнесъ правильно и десяти словъ подрядъ. Думаю, что и Плонскій, подобно Пржвборовскому, относился къ дѣлу формально; потому что при такомъ знаніи языка, о которомъ я только упомянулъ, студенты самымъ исправнымъ образомъ всѣ безъ всякаго исключенія изъ года въ годъ выдерживали экзаменъ, получая удовлетворительныя отмѣтки.

Таковъ былъ составъ профессоровъ и преподавателей на 1-мъ курсѣ.

На второмъ—нѣкоторые изъ нихъ остались тѣ же, напр. лекторы языковъ, профессоръ всеобщей исторіи Ковалевскій, который

читалъ теперь, кромѣ новой, исторію Востока, профессоръ римскаго права Д., читавшій римское гражданское право, пр. Струве, излагавшій психологію; русская исторія читалась и на второмъ курсѣ, но ушедшаго Аристова замѣнялъ новый профессоръ Никитскій. Прибавились предметы: политическая экономія, статистика, исторія русскаго права, государственное право и психологія.

Политическую экономію читалъ доцентъ Шимановскій; онъ несомнѣнно принадлежалъ къ отрицательнымъ профессорскимъ типамъ. Былъ онъ одновременно и присяжнымъ повѣреннымъ и, кажется, служилъ въ частномъ банкѣ. Ш. производилъ впечатлѣніе практическаго дѣльца. Владѣлъ онъ русскимъ языкомъ отвратительно, читалъ свой предметъ прескверно. Курсъ его былъ въ высшей степени слабъ и давалъ малое понятіе о политической экономіи. Цѣлыя лекціи, весьма при этомъ не аккуратно имъ посѣщаемыя, представляли собою болтовню неглухаго человѣка и только.

По поводу неаккуратнаго посѣщенія Шимановскимъ лекцій у многихъ изъ его слушателей остался навѣрно въ памяти часто обращаемая къ пришедшимъ на лекцію студентамъ фраза педеля-милоросса: „г-да, Шимановскій не будэ“. Эту фразу мы примѣняли и къ другимъ профессорамъ, почему-либо пропускавшимъ лекцію, замѣняя фамилію Шимановскій соотвѣтственною фамиліей отсутствующихъ профессоровъ. Нѣкоторые русскіе студенты потѣхи ради записывали келовкіе и нерусскіе обороты изъ лекцій Шимановскаго; ихъ въ теченіе часа набиралось нѣсколько, и часто они возбуждали гомерическій хохотъ. Не знаю, какъ пошелъ Ш. въ доценты, — дальше онъ не пошелъ, — но во всякомъ случаѣ онъ былъ совершенно не на мѣстѣ и ничему почти своихъ слушателей не выучилъ. Самъ онъ былъ высокаго роста, съ длинными висящими бакенбардами, но при этомъ, вѣроятно, вслѣдствіе какого-то недуга изломанный пополамъ. Наружное впечатлѣніе онъ дѣлалъ банкира и финансоваго дѣльца. Тотъ же Шимановскій на 3-мъ курсѣ читалъ намъ финансовое право, послѣ того какъ политическую экономію передали другому профессору. Финансовое право читалъ онъ не лучше политической экономіи.

До Шимановскаго финансовое право читалось доцентомъ Ив. Ив. Иванюковымъ. Я не слушалъ его, потому что былъ тогда на низшихъ курсахъ, когда же я перешелъ на 3-й, то Иванюковъ былъ уже переведенъ въ Петровскую Земледѣльч. Академію на кафедру политической экономіи. Иванюкова я только видывалъ въ университетѣ. Это была самая обаятельная личность изъ преподавателей (онъ былъ доцентомъ) для студентовъ. Красавецъ собою, изящный, онъ представлялъ типъ русскаго былиннаго богатыря изъ родѣ

Алеши Поповича. Иванюковъ считался самымъ либеральнымъ профессоромъ и на студентовъ стоялъ горой. Общеизвѣстенъ случай, гдѣ онъ отстоялъ на экзаменѣ студента-поляка отъ одного очень придирчиваго профессора, поляка же. Про Иванюкова ходили разсказы, что онъ раньше служилъ въ военной службѣ въ кавалеріи и чуть ли не въ кавалергардахъ, затѣмъ сталъ заниматься, выдержалъ университетскій экзаменъ, получилъ степень магистра политической экономіи, отправился въ Америку и тамъ въ качествѣ чуть не батрака изучалъ практически экономическій бытъ этой страны. Оказалось, что это все было на самомъ дѣлѣ.

Студенты относились къ Иванюкову съ удивительной симпатіей. Иванюковъ преподавалъ исторію въ женской гимназіи, и тамъ всѣ ученицы поголовно были влюблены въ него. Я не слышалъ его говорящимъ, но слышавшіе утверждали, что говорилъ онъ очень красиво, особенно въ обществѣ. Что касается до его качествъ какъ профессора и ученаго въ то время, то о нихъ сказать лично ничего не могу. Нѣкоторые изъ его слушателей говорили мнѣ, что какъ профессоръ, опять таки въ то время, Иванюковъ ничего выдающагося собою не представлялъ. Оставляю это на ихъ совѣсти. Впоследствии Иванюковъ довольно много писалъ, и онъ во всякомъ случаѣ извѣстенъ въ Россіи.

Профессоръ статистики и затѣмъ политической экономіи Э. Г. Симоненко значительно превосходилъ по своимъ качествамъ, какъ профессоръ, Шимановскаго. Курсъ его отличался систематичностью, свѣдѣнія онъ давалъ полезныя и нужныя и вообще про него можно сказать, что какъ профессоръ онъ былъ совершенно на своемъ мѣстѣ. Онъ былъ требователенъ, и это заставляло студентовъ относиться къ его предмету серьезно, чѣмъ къ другимъ. Вообще подъ руководствомъ Симоненко можно было изучать его предметъ, да онъ, кромѣ того, умѣлъ пріохотить имъ заниматься, благодаря хорошему и изящному изложенію его. Я, будучи на 4-мъ курсѣ, рѣшилъ писать сочиненіе на медаль на тему по политич. экономіи. Пришлось, конечно, обратиться къ Симоненко за указаніями и источниками. Онъ охотно откликнулся, и я имѣлъ возможность лично убѣдиться, что это былъ вообще серьезный ученый и профессоръ, знающій свой предметъ. Между студентами, однако, онъ былъ мало популяренъ, его считали скорѣе чиновникомъ-профессоромъ, нежели профессоромъ-ученымъ. Последующія событія показали, что это была правда. С. былъ еще молодой человекъ лѣтъ 30 съ небольшимъ, довольно болѣзненный и имѣлъ видъ кабинетнаго ученаго. Еще въ началѣ своей ученой карьеры онъ задумалъ написать, по-видямому, очень обширный трудъ подъ заглавіемъ: „Государство,

общество и право съ точки вѣрнѣи законовъ и народнаго хозяйства“, но издалъ только одинъ томъ, такъ сочиненіе это и осталось неоконченнымъ; впрочемъ, это случается нерѣдко съ нашими вновь начинающими профессорами. Особенно плодovitъ въ своихъ писаніяхъ Симоненко не былъ. Въ концѣ своей ученой дѣятельности онъ увлекся статистикой, былъ даже назначенъ директоромъ статистическаго комитета, состоящаго при варшавскомъ генераль-губернаторѣ, и издавалъ статистическій сборникъ для губерній царства Польскаго. Профессоромъ онъ былъ очень долго и умеръ года два, три тому.

Исторія русскаго права имѣла своимъ представителемъ сначала доцента, а затѣмъ профессора С—ва. Человѣкъ крупный—съ сильнымъ малороссійскимъ акцентомъ, онъ читалъ по тетради скорѣе археологію, чѣмъ исторію права. Въ сущности С—въ и былъ археологомъ и постоянно занимался раскапываніемъ на своей родинѣ, Малороссіи, кургановъ. Какъ профессоръ, онъ былъ слабъ и никакого понятія объ исторіи русскаго права мы изъ его лекцій не вынесли, потому что собственно ей онъ и не читалъ. Мучилъ онъ насъ результатами своихъ археологическихъ развѣдокъ и много, очень много распространялся о древнихъ русскіихъ городахъ, которыхъ насчитывалъ нѣсколько тысячъ, за что подвергся довольно злобной критикѣ знатоковъ, которые называли эти города „С—ми“ (отъ его фамиліи).

Государственное право, а въ томъ числѣ русское, читалъ экстрад-профессоръ Хлѣбниковъ. Это былъ человѣкъ, который по облику и по убѣжденіямъ и взглядамъ напоминалъ Владиміра Соловьева, конечно въ мишьятурѣ. Впрочемъ, послѣдняго онъ копировать не могъ, потому что Соловьевъ въ то время былъ еще 20 лѣтнимъ юношей и, вѣроятно, еще сидѣлъ на университетской скамьѣ.

Впечатлѣніе Хлѣбниковъ производилъ вдохновеннаго, но довольно бездарнаго труженика. Способъ его мышленія и самое изложеніе были очень по временамъ туманны, и мнѣ сдается, что иногда онъ самъ чувствовалъ, что понимаетъ неясно и выражается неудобопонятно. Туманности изложенія способствовали и самый предметъ преподаванія, заключающій въ себѣ не мало философскаго, отвлеченнаго элемента.

Нѣсколько лучше, занимательнѣе и съ большимъ успѣхомъ онъ читалъ исторію русскаго государственнаго права, гдѣ меньше философскихъ абстракцій; иногда профессоръ оживлялся и бывалъ даже интересенъ въ изложеніи.

Студенты, плохо понимая профессора, просто-на-просто долбили его курсъ и, не соображая нѣкоторыхъ мѣстъ, говорили подчасъ

на экзаменѣ удивительныя несообразности. Такъ, одинъ молодецъ, отвѣчая о паденіи государствъ, сталъ перечислять признаки паденія ихъ, при чемъ объявлялъ: государства падаютъ отъ слѣдующихъ признаковъ. Профессоръ замѣтилъ ему, однако, что онъ говоритъ нелѣпость и что логичнѣе было бы, онъ даже связалъ, что государство падаетъ отъ признаковъ.

Литературный багажъ Хлѣбникова былъ не великъ. Писалъ онъ что-то о Россіи въ домонгольскій періодъ и издалъ докторскую диссертацию: „Право и Государство“, довольно таки жидкое и мало оригинальное разсужденіе.

Психологію читалъ извѣстный уже Струве съ такимъ же успѣхомъ, какъ и исторію философіи.

Изложеніемъ русской исторіи на второмъ курсѣ занимался вновь назначенный въ Варшавскій университетъ вмѣсто Аристова профессоръ Никитскій.

Хотя мы и прослушали у Аристова курсъ русской исторіи съ древнихъ временъ Монгольскаго яга, однако Никитскій началъ изложеніе своего предмета съ самаго начала и при томъ сталъ намъ читать исторіографію, которую довелъ до конца.

Онъ читалъ по запискамъ; съ внѣшней стороны курсъ его не блисталъ, хотъ иногда попадались остроумныя замѣчанія и фразы. Въ сущности же курсъ этотъ оказался очень удачнымъ и полезнымъ для студентовъ. Въ немъ была сосредоточена вся русская исторія въ цѣломъ рядѣ очерковъ системъ всѣхъ выдающихся русскихъ историковъ, такъ что въ занимательномъ и систематическомъ изложеніи профессора студенты имѣли полную возможность ознакомиться съ научными воззрѣніями на ходъ русской исторіи. На экзаменѣ Никитскій оказался довольно строгимъ. Въ наукѣ онъ былъ въ то время извѣстенъ, какъ авторъ двухъ историческихъ монографій: „Историческій очеркъ внутренней жизни Новгорода“ и такой же очеркъ Пскова.

Третій курсъ наполненъ былъ исключительно юридическими и общественными науками. На немъ читались: Уголовное право, Международное право, Полицейское право, Исторія славянскихъ законодательствъ и Финансовое право.

Уголовное право излагалъ профессоръ Будзинскій, одинъ изъ болѣе старыхъ профессоровъ. Во время моего поступленія въ университетъ онъ былъ деканомъ юридическаго факультета. Курсъ Будзинскаго былъ не только далекъ отъ совершенства, но былъ даже скуденъ, поверхностенъ и мало наученъ. Какое напр. сравненіе съ Таганцевымъ! Профессоръ, читая его, очень часто проявлялся анекдотами довольно пикантнаго свойства и старался приво-

дить по большей части примѣры довольно игриваго свойства. Благо предметъ былъ такого рода, что можно было избирать такого характера примѣры. Будзинскій производилъ впечатлѣніе скорѣе практика-юриста, чѣмъ ученаго.

Будзинскій спустя годъ или два, когда я кончилъ уже въ 1876 году университетъ, въ званіи профессора былъ назначенъ членомъ вновь открытой Варшавской судебной палаты.

Служа въ палатѣ, я не разъ слышалъ нападки на Будзинскаго, какъ на человѣка довольно безтолковаго. Онъ оказался очень разсѣяннымъ и не разъ удивлялъ почтенныхъ и солидныхъ членовъ судебной палаты, привыкшихъ къ аккуратности и точности, тѣмъ, что во время докладовъ путалъ имена обвиняемыхъ, свидѣтелей, обвинителей, называлъ однихъ вмѣсто другихъ и проч. въ такомъ же родѣ. Удивлялись, какъ ординарный профессоръ уголовного права выказывалъ такое легкомысленное отношеніе къ дѣлу, столь серьезному, какъ отправленіе правосудія.

Какъ бы тамъ ни было, профессоръ Будзинскій профессорствовалъ и судействовалъ довольно долго. Студенты не могли не считаться съ его предметомъ и потому, все-таки, понимая важность его для будущей дѣятельности, занимались имъ довольно усердно и только нѣкоторые ограничивались жидкими лекціями профессора.

Международное право излагалъ ординарный профессоръ, тоже полякъ Б. Онъ по службѣ и по возрасту принадлежалъ къ чволу болѣе старыхъ профессоровъ факультета. По характеру это была довольно сухая и педантическая личность; онъ смотрѣлъ на студентовъ почти какъ на учениковъ, которыхъ надо держать въ рукахъ; про него разсказывали, напр., что еще до моего поступленія въ университетъ, встрѣтивъ студента въ админіумѣ университета курящимъ, Б. не постѣснялся вырвать у него изъ рта папироску. Я самъ на экзаменѣ, гдѣ онъ былъ ассистентомъ, имѣлъ возможность убѣдиться въ его подозрительности по отношенію къ студентамъ. Когда, обдумывая отвѣтъ по финансовому праву, я положилъ передъ собой на окно программу и, облокотившись на то же окно обѣими руками, сталъ ее читать, то Б., подкравшись тихо ко мнѣ сзади, сталъ наблюдать, не читаю ли я конспекта или чего-либо въ такомъ родѣ, и затѣмъ удалился.

Курсъ Б. былъ очень сухъ и скученъ, читалъ онъ въ высшей степени снотворно и незанимательно. На бѣду у него бывали подъ рядъ двѣ лекціи. Высидѣть ихъ, хотя бы съ перерывами между каждой лекціей $\frac{1}{4}$ часа, представляло своего рода подвигъ; я очень хорошо помню, что въ концѣ второй лекціи мною овладѣвало такое утомленіе и я до того чувствовалъ себя разбитымъ, что една си-

дѣль. Очень часто буквально клонило ко сну. Вотъ что значитъ бездарный профессоръ. Ни у одного изъ остальныхъ профессоровъ и ничего подобнаго не испытывалъ.

Желая вѣроятно разнообразить свои лекціи, профессоръ принимался читать литературу своего предмета. Это было что-то невозможное. Сухой перечень на десяткахъ страницъ сочиненій по международному праву, начиная съ Гуго Гроція и даже раньше, и до нашего времени у всѣхъ народовъ съ обстоятельнымъ указаніемъ года изданія.

Говорятъ, что профессоръ въ прежнее время немилосердно рѣзалъ студентовъ на этой, такъ называемой, литературѣ.

Самый курсъ былъ составленъ педантично, сухо, съ разнаго рода подраздѣленіями, и на экзаменѣ нельзя было пропустить ни одного пункта. Этотъ курсъ въ соединеніи съ личностью профессора въ состояніи были внушить полнѣйшее отвращеніе къ самой наукѣ.

Я сказалъ, что Б. былъ подозрителенъ, сухъ и педантиченъ. Этого мало, онъ былъ золъ и придирчивъ. Могу указать два примѣра. Еще до моего поступленія въ университетъ общезвѣстенъ фактъ желанія Б. во что бы то ни стало провалить на экзаменѣ студента Р—аго, очень способнаго человѣка, который потомъ въ мин. юстиціи занималъ довольно видную должность по юрисконсультской части. Р—аго отстоялъ, симпатичный Ив. Ив. Ивановъ, но вызвало это большую сенсацію; собирався другой составъ экзаменаторовъ, и тамъ Р. выдержалъ экзаменъ.

Второй примѣръ былъ у меня на глазахъ. Студентъ Ст—въ, уже заканчивая удовлетворительно свой отвѣтъ Б., на послѣдній вопросъ профессора, читалъ ли онъ какую-то книгу, сказалъ, что не читалъ, но при этомъ имѣлъ неосторожность прибавить, что въ университетской библіотекѣ порядочный беспорядокъ и не всегда можно получить желаемое. Этого оказалось довольно, чтобы разсердить профессора. Какъ, какой-то студентъ-мальчикъ осмѣливается критиковать при профессорѣ университетскіе порядки. Тонъ профессора сразу измѣнился, онъ заявилъ, что г. студентъ слишкомъ рѣзко судить, и сталъ за тѣмъ предлагать ему вновь вопросы, несмотря на то, что совсѣмъ было отпустилъ его, очевидно съ цѣлью донечь. Желаніе провалить оказалось для всѣхъ явнымъ и несомнѣннымъ.

Едва-едва бѣдный Ст—въ выкарабкался, получивъ тройку.

За профессоромъ Б. никакихъ особенныхъ трудовъ не числалось, и продолжалъ онъ быть профессоромъ посредственностью долго послѣ оставленія мною университета.

Профессоръ З., въ то время доцентъ, а впоследствии орди-

нарный профессоръ и деканъ, читалъ установленный, кажется, только въ одномъ Варшавскомъ университетѣ предметъ—Исторію славянскихъ законодательствъ. Это была маленькая, худенькая фигурка; несмотря на то, что ему въ мое время не было и 80 лѣтъ, онъ казался совершеннымъ старикомъ, что не мѣшало ему, повидимому, пользоваться хорошимъ здоровьемъ, такъ какъ преподавалъ онъ въ университетѣ послѣ того болѣе 30 лѣтъ и преподаетъ и по нынѣ.

3. отличался удивительно звучнымъ и пріятнымъ голосомъ и читалъ по тетради громко, внятно, внушительно. Читалъ онъ на 3-мъ—4-мъ курсахъ.

Курсъ его былъ очень спеціальнъ и потому могъ быть пригоденъ только для заправскихъ славистовъ или историковъ права; излагалъ онъ въ теченіе 2-хъ лѣтъ областное и юридическое устройство Чехіи, да еще въ средніе вѣка. Впослѣдствіи онъ читалъ энциклопедію, но съ какимъ успѣхомъ, это сказать не могу, потому что это было далеко уже послѣ моего выхода изъ университета.

Полицейское право на 3-мъ курсѣ и за постояннымъ отсутствіемъ особаго профессора по гражданскому судопроизводству и это послѣднее на 4-мъ курсѣ читалъ профессоръ Окольскій.

Это былъ небольшой желчный человѣкъ среднихъ лѣтъ. Русскимъ языкомъ онъ владѣлъ плоховато, но это однако не мѣшало ему помѣщать въ такомъ солидномъ журналѣ, какъ „Вѣстникъ Европы“, статьи по образованію.

Полицейское право Окольскій читалъ по тетради довольно сносно, да по правдѣ сказать и предметъ-то такого свойства, что не требуетъ особенной учености и обширной затраты умственныхъ силъ и способностей. Курсъ этотъ былъ въ общемъ компилятивный.

Преподаваніе устава гражданского судопроизводства оставляло желать довольно многого. Чувствовалось на каждомъ шагу, что профессоръ не спеціалистъ и не знатокъ своего предмета и читаетъ его потому, что ему поручено его читать. Окольскій излагалъ намъ (на 4-мъ курсѣ) уставъ гражданского судопроизводства 1864 года параллельно съ *code procedure civil*, дѣйствовавшимъ еще въ то время въ предѣлахъ Царства Польскаго, хотя впрочемъ послѣдній годъ. Курсъ судопроизводства былъ очень слабъ; студентамъ онъ давалъ малое представленіе о предметѣ, и несомнѣнно ни одинъ изъ нихъ, приступая къ практической дѣятельности по гражданской части, и не подумалъ заглянуть въ этотъ курсъ, какъ руководство. Окольскій, будучи профессоромъ, одновременно съ этимъ былъ и присяжнымъ повѣреннымъ, но и повѣреннымъ онъ былъ далеко не изъ блестящихъ.

Финансовое право, какъ я уже выше говорилъ, излагалъ до моего перехода на 3 курсъ доцентъ Иванюковъ, а послѣ него я слушалъ курсъ уже извѣстнаго доцента Шиманскаго.

На четвертомъ курсѣ читались: гражданское право, уголовное судоустройство и судопроизводство, продолжался начатый на 3-мъ курсѣ предметъ Исторія славянскихъ законодательствъ, гражданское судоустройство и судопроизводство и судебная медицина и психіатрія.

Гражданское право къ сожалѣнію только въ теченіе одного года читалъ профессоръ В. И. Голевинскій. Это была звѣзда первой величины на горизонтѣ Варшавскаго университета.

Человѣкъ среднихъ лѣтъ, болѣзненный, обладающій тѣснымъ голосомъ, онъ читалъ по тетради съ внѣшней стороны довольно однообразно и даже, пожалуй, сухо. Но за то по содержанію курсъ его представлялъ очень много достоинства. Онъ былъ систематиченъ, полонъ, замѣчательно ясенъ и вполне наученъ. В. И. Голевинскій читалъ намъ параллельно курсъ гражданскаго права по Кодексу Наполеона, дѣйствовавшему тогда и нынѣ дѣйствующему въ предѣлахъ Царства Польскаго, и курсъ гражданскаго права по X тому Кодексу онъ удѣлялъ больше мѣста и времени, а X томъ излагался имъ главнымъ образомъ для указаній отличій отъ болѣе совершеннаго законодательства Кодекса Наполеона.

При пяти лекціяхъ въ недѣлю профессоръ Голевинскій успѣлъ намъ прочесть полный курсъ гражданскаго права. Впослѣдствіи курсъ этотъ читался имъ уже въ теченіе 2-хъ лѣтъ, т. е. на 3 и 4 курсахъ, что несомнѣнно принесло не мало пользы студентамъ, благодаря возможности болѣе подробнаго изложенія предмета.

Профессоръ Голевинскій пользовался огромнымъ уваженіемъ профессоровъ и студентовъ и постоянно избирался деканомъ юридическаго факультета. Это былъ типъ профессора въ самомъ лучшемъ значеніи этого слова. Всегда ровный, невозмутимый, даже безстрастный, онъ глубоко зналъ свой предметъ и постоянно слѣдилъ за наукой права. Писалъ онъ немного, но то, что имъ написано, должно цѣниться на вѣсъ золота.

Писалъ онъ объ имущественныхъ отношеніяхъ супруговъ по дѣйствующему въ Царствѣ Польскомъ праву и „объ обязательствахъ“. Это послѣднее сочиненіе по своей стройности, ясности и разработанности вопроса можетъ быть признано образцовымъ. Оно должно быть для всякаго юриста справочной книгой въ этомъ важномъ отдѣлѣ гражданскаго права и въ дѣйствительности оно на дѣлѣ такимъ и оказалось. Къ сожалѣнію, на русскомъ языкѣ имѣется только первая половина этого сочиненія „о происхожденіи и дѣленіи обя-

зательствъ". Вторая половина, излагающая дѣйствіе и прекращеніе ихъ, не переведена съ польскаго на русскій, но это однако не мѣшало ея пользоваться. Нужно сказать, что профессоръ Голевинскій одновременно съ профессорскою дѣятельностью несъ и судейскія обязанности. До судебной реформы, будучи профессоромъ, онъ занималъ довольно высокій постъ начальника отдѣленія Правительственной комиссіи юстиціи въ Царствѣ Польскомъ, а по введеніи судебной реформы въ 1876 г. въ губерніяхъ Царства Польскаго занялъ весьма солидный постъ предсѣдателя гражданскаго департамента Варшавской судебной палаты. На этомъ послѣднемъ посту онъ оставался до 1896 года, когда по причинѣ слабаго здоровья оставилъ совершенно и преподавательскую дѣятельность, и службу по министерству юстиціи.

Съ образованіемъ въ 1882 г. комиссіи для составленія новаго Гражданскаго уложенія В. И. Голевинскій, будучи профессоромъ и предсѣдателемъ департамента судебной палаты, былъ назначенъ членомъ этой комиссіи. Оставивъ однако за собою чтеніе лекцій въ университетѣ, онъ только числился предсѣдателемъ департамента, при чемъ его замѣнялъ старшій членъ судебной палаты, свои же труды по юридической части перенесъ въ комиссію. Вотъ вѣроятно причина, почему онъ такъ мало писалъ. Соединеніе званія профессора, да еще гражданскаго права, съ должностью предсѣдателя гражданскаго департамента палаты требовало немалыхъ званій и огромнаго труда. Особенно этотъ трудъ долженъ былъ оказаться чувствителенъ на первыхъ порахъ введенія судебной реформы, когда профессору приходилось въ качествѣ предсѣдателя высшаго гражданскаго суда въ краѣ руководить практикой этого суда при малой освѣдомленности съ мѣстными законами русскихъ судей-цивилистовъ.

Въ нравственномъ отношеніи профессоръ Голевинскій являлъ собою типъ безупречнаго во всѣхъ отношеніяхъ мудреца. Зная его нѣсколько и посѣщая на дому по дѣламъ чисто научнаго свойства, я всякій разъ выносилъ чувство удивленія отъ его уравновѣшенности и всепрощенія.

Никогда я не слышалъ отъ него слова осужденія или порицанія. По отношенію къ студентамъ онъ былъ удивительно терпѣливъ и мягокъ. На экзаменахъ онъ никому не ставилъ менѣе 3, и вотъ, если нѣтъ человѣка безъ недостатка, то это былъ едва-ли не единственный недостатокъ профессора Голевинскаго.

Мнѣ случилось присутствовать на засѣданіяхъ судебной палаты подъ его предсѣдательствомъ; удивительное терпѣніе и спокойствіе проявлялъ онъ, несмотря на то, что стороны подчасъ сильно злоупотре-

требляли временемъ и терпѣніемъ судей. Это терпѣніе и спокойствіе не покидало профессора и во время экзаменовъ. Студенты отвѣчали подчасъ удивительныя несообразности; онъ только исправлялъ ихъ, но ни разу не возмущался, а было чѣмъ возмутиться.

Профессоръ уголовного судоустройства и судопроизводства Микляшевскій началъ съ того, что на первой же лекціи, — это былъ впрочемъ его обычай и повторялся постоянно изъ года въ годъ — загнутоизировалъ насъ важностью и трудностью своего предмета. Онъ объявилъ, что на экзаменахъ будетъ строго требовать основательнаго знанія, и пусть уже студенты не сѣтуютъ на него, если онъ будетъ ихъ проваливать при недостаточномъ знаніи предмета. Удивительно, какъ эта угроза дѣйствовала на студентовъ. Предметъ Микляшевскаго считался у студентовъ самымъ труднымъ, самымъ важнымъ, и боялись они съ нимъ, какъ съ яйцомъ. Экзаменъ по уголовному судоустройству и судопроизводству назначался (студентамъ самымъ предоставлялось право распредѣлять экзамены по времени) всегда первымъ, какъ требующій свѣжихъ силъ и по такому предмету, сдавши который, съ болѣе легкимъ сердцемъ можно было приступить къ экзамену по другимъ предметамъ, не столь труднымъ.

Въ сущности, это былъ довольно удачный пріемъ заставить студентовъ серьезно отнестись къ предмету. Уголовное судоустройство и судопроизводство само по себѣ не такой ужъ трудный предметъ, чтобы его бояться такъ, какъ его боялись студенты. Правда, до самаго послѣдняго года студентамъ читался курсъ Австрійскаго и Прусскаго судопроизводства, которое дѣйствовало въ губерніяхъ Царства Польскаго до судебной реформы 1876 г. Судопроизводство это было въ достаточной мѣрѣ сложно и усваивалось гораздо труднѣе, чѣмъ легкіе прозрачно-кристальные уставы 1864 года, но 1875—1876 г. академическій годъ, годъ перехода моего на 4 курсъ, былъ первымъ годомъ, когда отмѣняемое положеніемъ 19 февраля 1875 г. прежде дѣйствовавшее судоустройство и судопроизводство было замѣнено судебными уставами 1864 г., и естественно поэтому, что Микляшевскимъ стала излагаться только начала судебныхъ уставовъ 20 ноября 1864 года. Къ чести профессора надо сказать, что повидимому онъ всецѣло былъ проникнутъ благородными и высокими принципами этихъ уставовъ. Видно было, что онъ приложилъ немало усилій къ изученію совершенно новаго для него законодательства. Изложеніе бывало иногда не строго систематическимъ, съ отклоненіями въ сторону, но все же оно дѣйствовало на слушателей весьма благотворнымъ образомъ. Профессоръ невольно заставлялъ студентовъ проникнуться высокими началами, положенными

въ основу Уставовъ, такъ какъ и самъ очевидно вполне былъ проникнутъ ими. Слушая лекціи Микляшевскаго, и благоговѣлъ передъ высокою судейскою миссію, исключительно почетнымъ положеніемъ въ государствѣ и обществѣ служителей правосудія, положеніемъ, рѣзко отличающимъ ихъ отъ всѣхъ остальныхъ представителей власти и при томъ ясно и точно закрѣпленнымъ закономъ. Судьи отвѣтственны только передъ своею совѣстью, они независимы въ своихъ мнѣніяхъ, они независимы отъ усмотрѣнія начальства, не смѣняемы, не получаютъ никакихъ наградъ подобно другимъ чиновникамъ и удостоиваются ихъ только по непосредственному усмотрѣнію верховной власти. Эти слова звучали для молодежи чѣмъ-то удивительно чарующимъ, они побуждали посвятить все свои силы, знаніе, всего себя на служенію высокому дѣлу правосудія. На меня лично лекціи Микляшевскаго произвели такое впечатлѣніе, что и на всю свою жизнь остался фанатическимъ поклонникомъ началъ, положенныхъ въ основу Судебныхъ уставовъ. Пусть лекціи М. были лишены краснорѣчія, пусть онѣ не отличались строгой системой, тѣмъ не менѣе онѣ западали въ душу и вліяли высоко въ нравственномъ отношеніи. Микляшевскій былъ полякъ и, казалось бы, подобно многимъ интеллигентнымъ полякамъ не долженъ бы былъ увлекаться порядками въ области отправления правосудія, вводимыми русскимъ правительствомъ, по русскому образцу съ одновременною отмѣною употреблявшагося въ судахъ польскаго языка и замѣною старыхъ судей, сплошь поляковъ, русскими судьями. Однако это не мѣшало ему отдавать полное преимущество вновь вводимому порядку еравнительно со старымъ. Честь и слава его справедливости и уму.

По странной однако ироніи судьбы, какъ это нерѣдко случается въ жизни, тотъ же самый М. спустя нѣсколько лѣтъ подвергся гоненію извѣстнаго въ свое время попечителя учебнаго округа Апухтина. Последний ставилъ въ вину Микляшевскому его черезчуръ польскій образъ мыслей и стремленіе проводить съ кафедры польскія тенденціи. Не берусь судить о дѣятельности М. въ то время. Быть можетъ, съ теченіемъ времени образъ его мыслей измѣнился. Жизнь особенно въ послѣднее время представляетъ и не такіе примѣры перехода отъ извѣстныхъ убѣжденій къ діаметрально противоположнымъ.

Запугиванія М—го въ началѣ года имѣли свои благотворныя послѣдствія. По его предмету студенты были подготовлены лучше, чѣмъ по всѣмъ остальнымъ, не исключая и гражданскаго права, которому вообще студенты придавали немало значенія.

Нужно сказать однако, что профессоръ Микляшевскій не поль-

овался особымъ расположеніемъ студентовъ. По общей молвѣ, переходившей отъ одного курса къ другому послѣдующему, онъ былъ профессоръ мелочной и придирчивый, такъ что увлеченіе духомъ судебныхъ уставовъ и умѣніе заставить проникнуться имъ своихъ слушателей составляло одну только черту преподавательской дѣятельности этого профессора.

Судебная психіатрія и судебная медицина по важности предмета, а главное по способу отношенія къ нимъ студентовъ могли быть названы родными сестрами.

Психіатрія читалась студентамъ 4 курса юридического факультета одновременно съ студентами - медиками 5 курса въ больницѣ для умалишенныхъ Ивана Божьяго.

Мрачная это больница, старое зданіе, въ корридорахъ стоялъ холодъ, гуляли сквозные вѣтры.

Профессоръ съ ассистентомъ и студенты располагались въ обширной спальнѣ умалишенныхъ, которая днемъ была совершенно свободна отъ больныхъ. Иногда намъ приводили для демонстраціи того или другого больного, иногда мы толпою во главѣ съ профессоромъ и ассистентомъ въ соупутствіи служителей отирались въ общія камеры больныхъ, и здѣсь профессоръ тоже демонстрировалъ то того, то другого больного. Мы все старались держаться въ кучѣ, близко другъ къ другу, потому что наши посѣщенія общихъ камеръ оканчивались иногда или ударомъ кулака со стороны подкрывшагося больного или ударомъ колоккомъ какого-либо зазѣвавшагося посѣтителя-студента.

Читалъ психіатрію старикъ, докторъ по нервнымъ и душевнымъ болѣзнямъ, довольно извѣстный въ Варшавѣ Пленсковскій. Онъ, несмотря на свои старые годы, былъ всего только доцентомъ и таковымъ остался, кажется, до конца жизни. Пленсковскій читалъ по обширному каллиграфически написанному курсу. Курсъ этотъ былъ до-нельзя спеціальнъ и сухъ, и смѣло могу утверждать, что изъ него ничего почти не оставалось въ головѣ слушателей. Зная, что по психіатріи невозможно не выдержать экзамена, такъ какъ никто никогда еще не получалъ по этому предмету неудовлетворительной отмѣтки, студенты даже не записывали лекцій. Привлекало ихъ главнымъ образомъ посѣщеніе больныхъ, т. е. собственно практическія занятія по предмету.

Курьезенъ былъ экзаменъ по психіатріи, который студенты, считая самый предметъ вполне малозначущимъ, отнесли на самый конецъ. Не приобрѣтя изъ лекцій ровно ничего, не имѣя передъ собою курса, я, взявъ въ руки программу наканунѣ дня экзамена и записавшись какой-то небольшою брошюркой или можетъ быть кон-

спектомъ по психіатріи, внимательно прочелъ ихъ, сопоставляя съ программой. Эта подготовка отвѣляла у меня 3—4 часа времени. На экзаменѣ я отвѣчалъ даже сознательно и получилъ 5, то же самое было и съ остальными. Никто не провалился. Вотъ какъ держать иногда экзамены и вотъ какъ иногда бываетъ поставлено цѣлесообразно университетское преподаваніе.

Преподаваніе судебной медицины было поставлено однако солиднѣе.

Читалъ намъ опять-таки совмѣстно съ медиками этотъ предметъ бывший до того профессоромъ въ Харьковѣ Котелевскій. Профессоръ Котелевскій, излагая свой предметъ довольно свосно, не упускалъ случая подчеркнуть наше невѣжество въ медицинѣ и снисходительно объяснялъ то или другое изъ ея области. Онъ даже курсу своему предпослалъ для дальнѣйшаго руководства юристамъ небольшой очеркъ строенія человѣческаго тѣла и его отравленій. Студенты посѣщали лекціи судебной медицины довольно аккуратно и усердно, во 1-хъ, потому, что профессоръ излагалъ недурно, ясно и немудрствуя подобно Пленсковскому, а во 2-хъ, еще и потому, что самый предметъ по его содержанію далеко не лишенъ занимательности. Нѣкоторые же отдѣлы, касающіеся вопросовъ половой сферы, вызвали у студентовъ особенный интересъ.

Лекціи Котелевскаго разнообразились посѣщеніемъ анатомическаго театра съ цѣлью присутствовать при вскрытіяхъ. Обыкновенно вскрытіе подъ руководствомъ профессора производилъ студентъ, медикъ, а юристы смотрѣли и слушали объясненія профессора. Пробавлялись мы главнымъ образомъ и почти исключительно дѣтскими трупами. Трупъ взрослога человѣка былъ вскрываемъ передъ нами всего только одинъ разъ.

Судебная медицина считалась легкимъ для изученія предметомъ и усвоивалась она, скажу по собственному опыту, легче другихъ преподаваемыхъ намъ предметовъ. Экзамены по ней сходили всегда благополучно.

Таковъ былъ въ мое время въ 1872—1876 г. составъ профессоровъ юридическаго факультета и ихъ преподаваніе.

Для полноты картины не могу не упомянуть о нѣкоторыхъ профессорахъ на другихъ факультетахъ, хоть это придется мнѣ сдѣлать лишь вскользь, потому что знать всѣхъ профессоровъ остальныхъ факультетовъ и естественно не могъ.

Самымъ выдающимся въ мое время по научному достоинству профессорскаго персонала былъ медицинскій факультетъ. Тамъ были довольно крупныя силы, какъ напр. Бродовскій, читавшій патологію и терапію; это былъ настоящій ученый и практикой

онъ почти не занимался. Гирштовъ—хирургъ. Этотъ занимался и практикой. Гирштовъ погябъ отъ руки убійцы, работника типографіи, въ которой печаталась издаваемая имъ медицинская газета по поводу недоразумѣвія относительно уплаты заработныхъ денегъ Бродовскій и Гирштовъ пользовались большимъ авторитетомъ каждый въ своей спеціальности, особенно Бродовскій. И тотъ и другой были до занятія университетской кафедрой военными врачами. Бродовскій же былъ постоянно избираемъ деканомъ. Оба они, особенно Бродовскій, очень строго относились къ знаніямъ студентовъ, и съ ними считались.

Анатомія читалась въ своемъ родѣ знаменитостью, кажется, изъ Вѣнскаго университета, евреемъ Гиршфельдомъ. Предметомъ, по общимъ отзывамъ, онъ владѣлъ прекрасно, но излагалъ по-русски его просто такъ невозможно.

Затѣмъ нельзя не упомянуть о профессорѣ-хирургѣ Косианскомъ, самомъ въ теченіе многихъ лѣтъ замѣчательномъ операторѣ въ гор. Варшавѣ.

Были хорошіе профессора, діагносты практика, напр. по внутреннемъ, особенно груднымъ болѣзнями, напр. Барановскій. Прямѣ еще гремѣла слава замѣчательнаго польскаго врача Халубинскаго, который недавно оставилъ кафедру. Халубинскаго, какъ врача, считали чуть ли не медицинскомъ богомъ; это былъ польскій Захарьинъ.

Остальные два факультета: математическій съ его подраздѣленіемъ на отдѣленіе чисто математическое и естественное и историко-филологическій особенно крупныхъ и выдающихся силъ не представляли, хотя и тамъ были почтенные ученые и люди серьезнаго труда.

Между математиками отличались своими познаніями и солидной ученостью: Соснинъ, сначала доцентъ, затѣмъ ординарный профессоръ и академикъ и профессоръ астрономіи Востоковъ, человекъ знающій, но очень нервный и раздражительный, устроившій, говорятъ, разъ цѣлое избіеніе студентовъ на экзаменѣ.

Между филологами выдавался по своимъ прежнимъ заслугамъ безсмысленный почти деканъ факультета, бывший ректоръ Казанскаго университета, больше оріенталистъ, чѣмъ историкъ, извѣстный уже Ковалевскій. По своимъ прежнимъ заслугамъ по изученію римской литературы былъ извѣстенъ и ректоръ университета Благовѣщенскій, читавшій лекціи по этому же предмету. Профессоръ Павянский былъ извѣстенъ, какъ польскій историкъ.

Кромѣ нихъ слѣдуетъ упомянуть о Троицкомъ, скоро оставившемъ университетъ, и Струве, о которыхъ я говорилъ подробнѣе выше.

Ректоромъ университета по назначенію отъ правительства (въ Варшавѣ избиралась профессорскою комиссіей только деканы),— былъ первые полгода моего пребыванія въ университетѣ Петръ Лавровскій, профессоръ-филологъ, а затѣмъ все остальное время и нѣсколько лѣтъ по окончаніи мною университета тоже профессоръ филологъ Благовѣщенскій.

О Лавровскомъ да и о Благовѣщенскомъ я не могу сказать многого.

Первый изъ нихъ—Лавровскій, кромѣ исполненія обязанностей ректора, читалъ на филологическомъ факультетѣ сравнительную грамматику. Ученый въ своей области онъ былъ извѣстный. Не менѣе его былъ извѣстенъ какъ классикъ Благовѣщенскій; онъ былъ до назначенія его въ началѣ 1873 г. ректоромъ Варшавскаго университета, заслуженнымъ ординарнымъ профессоромъ въ Петербургѣ и извѣстенъ, какъ толкователь и переводчикъ Горація. По характеру да и по наружному своему виду Благовѣщенскій рѣзко отличался отъ своего предшественника, Лавровскаго. Это былъ очень толстый, убитанный человѣкъ, довольно добродушный и мягкій.

Онъ былъ женатъ на дочери какого-то не то банкира, не то негодянта, жена его носила ярко выраженный южный типъ. Благодаря жевѣ Благовѣщенскаго, женщинѣ сравнительно молодой и красивой, тихій, заросшій отчасти травою, отчасти покрытый газонами университетскій дворъ, гдѣ помѣщалась между прочимъ въ числѣ многихъ другихъ зданій въ особомъ флигелѣ и квартира ректора, часто оглашался звуками подъѣзжавшихъ пролетокъ и экипажей гвардейской молодежи, которая повидимому охотно посѣщала домъ ректора.

Ректорство Благовѣщенскаго ничѣмъ особеннымъ ознаменовано не было. Рѣдко онъ посѣщалъ лекціи и то главнымъ образомъ являлся тогда, когда въ одной изъ аудиторій предстояло чтеніе первой лекціи вновь назначеннаго профессора.

Въ остальное время студенты могли почти постоянно видѣть ректора гуляющимъ по улицамъ, особенно раннимъ утромъ, когда они спѣшили на лекціи.

Почетителемъ учебнаго округа былъ въ мое время и года три еще послѣ меня сенаторъ Федоръ Федоровичъ Витте, даже не особенно обрусѣвшій нѣмецъ, старавшійся однако на каждомъ шагѣ доказать, что онъ вполне русскій человѣкъ. Являясь иногда на лекціи и то, сколько помню, только русскаго языка Берга, онъ говорилъ громко, рѣзко и внушительно и вообще видъ имѣлъ строгій по натурѣ. Некрасивъ онъ былъ замѣчательно. Онъ никогда не былъ ни ученымъ, ни профессоромъ и пошелъ на постъ почетнаго члена сначала въ Кіевъ, а затѣмъ въ Варшаву изъ инспекторовъ

училища правовѣдѣнія, благодаря покровительству попечителя училища правовѣдѣнія принца Петра Георгиевича Ольденбургскаго. Витте старался быть въ хорошихъ отношеніяхъ со всѣми сильными міра.

Примѣръ старайіи былъ у меня на глазахъ. Медали за написанныя студентами на заданную тему сочиненія раздавались на актѣ, происходившемъ ежегодно 30 августа. Медали раздавалъ студентамъ или генераль-губернаторъ (съ 1874 г. послѣ смерти графа Берга намѣстничество было замѣнено генераль-губернаторствомъ) или архіепископъ. Со свойственною ему принципиальностью Витте сообразилъ, что студенты, получающіе изъ рукъ архіепископа медали, могутъ не подойти подъ благословеніе, а это доказывало бы, что университетское юношество заражено либерализмомъ, вольномысліемъ, что, вѣроятно, говорило бы не въ пользу руководителя учебной части въ краѣ, да и вообще всего учебнаго персонала, выпускающаго изъ стѣнъ университета молодежь съ подобнымъ направленіемъ.

И вотъ, важный Витте, сенаторъ, украшаемый голубой лентой Бѣлаго Орла, сталъ самымъ заискивающимъ образомъ просить медалистовъ-студентовъ, стискивая имъ руки, чтобы они для него подошли подъ благословеніе архіепископа. Мы обѣщали. Случилось однако, что архіепископъ Леонтій не прибылъ, и медали раздавалъ генераль-губернаторъ графъ Коцебу, которому слѣдовало только поклониться. Впрочемъ въ общемъ Витте былъ человекъ недурной и старавшійся по возможности все улаживать миролюбиво.

Я далекъ отъ мысли дать полную характеристику дѣятельности этихъ лицъ, поставленныхъ во главѣ учебнаго дѣла Царства Польскаго. Это совершенно не входитъ въ предѣлы моей задачи. Здѣсь я описываю только результаты моихъ наблюденій какъ студента, которому многое изъ этой дѣятельности было даже и недоступно.

Низшій университетскій персоналъ, или т. наз. инспекція, состоялъ изъ инспектора и двухъ его помощниковъ. Въ теченіе перваго полугодія моего пребыванія въ университетѣ, инспекторомъ былъ Іосифъ Шершеневичъ, извѣстный переводчикъ Энеиды Вергилія. Но я его даже не видѣлъ. Во все остальное время должность инспектора студентовъ занималъ очень толстый и очень смиренный человекъ Серно-Соловьевичъ. Его мало знали, онъ студентамъ не надобдалъ. Да и то слѣдуетъ сказать, онъ былъ инспекторомъ Варшавскаго, т. е. самаго смирнаго и покойнаго во всемъ государствѣ, университета. Два его помощника постоянно сидѣли только въ канцеляріи и студентовъ тоже не тревожили. Вообще по отношенію

къ инспекціи дѣло обстояло вполне благополучно и сожителство было самое мирное.

Въ настоящее время перейду къ жизни студентовъ.

Обыкновенно съ понятіемъ студенческихъ годовъ въ жизни человека соединяютъ представленіе съ самымъ лучшимъ временемъ, кипучею умственною дѣятельностью, товарищескимъ общеніемъ и самымъ веселымъ проведеніемъ времени.

Относительно себя и моихъ ближайшихъ товарищей по университету я долженъ, къ сожалѣнію, сказать, что наша жизнь въ Варшавскомъ университетѣ далеко была лишена тѣхъ захватывающихъ, полныхъ всякаго интереса минутъ, которыми обыкновенно такъ богата жизнь студентовъ другихъ университетовъ. Въ этомъ несомнѣнно повинны не мы, но къ нашему несчастью сложившіяся неблагоприятно условія жизни. Я и мои товарищи, русскіе студенты, а говорю я только о насъ, потому что жизнь внѣуниверситетская остального громаднаго большинства студентовъ поляковъ мнѣ мало извѣстна—силою самыхъ обстоятельствъ были поставлены въ совершенно обособленное положеніе.

Прежде всего нужно замѣтить, что въ мое время Варшавскій университетъ былъ чисто польскимъ учебнымъ заведеніемъ не въ смыслѣ преподаванія, но въ смыслѣ наличнаго состава его слушателей.

Въ описываемые мною годы въ Варшавскомъ университетѣ числилось до 1000 студентовъ и русскихъ въ немъ было не болѣе нѣсколькихъ десятковъ человекъ; ясно, что эта сравнительно небольшая кучка терялась въ массѣ поляковъ, растворялась ими. Студенты поляки и евреи, которыхъ было не мало въ университетѣ и которые въ качествѣ мѣстныхъ уроженцевъ, воспринявшихъ мною отъ поляковъ, считали себя поляками-моисеева закона, подавляя насъ своею громадною численностью, естественно мало или даже совершенно не считались съ нами—русскими. Всюду въ аудиторіяхъ на лекціяхъ, въ корридорахъ, не говоря уже про улицы, въ общественныхъ собраніяхъ, кондитерскихъ и т. под., гдѣ только появлялись студенты, слышалась постоянно польская рѣчь или разговоры о собственныхъ мѣстныхъ интересахъ.

Я могу болѣе подробно говорить о томъ, что приходилось наблюдать во время университетскихъ моихъ лѣтъ въ стѣнахъ самого университета. Жизнь студентовъ внѣ стѣнъ послѣдняго представлялась для меня и моихъ товарищей по причинѣ разъединенія, существующаго между русскими и поляками, мало доступной наблюденію. Съ самаго начала открытія лекцій стало замѣтно, что поляки студенты сами къ себѣ, русскіе опять сами по себѣ.

Русскіе студенты въ громадномъ большинствѣ совершенно не знали ни польскаго языка, ни мѣстныхъ условій, они или выходили изъ первой гимназіи въ Варшавѣ, въ которой обучались исключительно русскіе юноши, родители которыхъ прибыли изъ Россіи на службу, или же изъ пріѣзжихъ изъ Россіи воспитанниковъ семинарій. Впослѣдствіи русской элементъ въ Варшавскомъ университетѣ сдѣлался нѣсколько болѣе разнообразнымъ. Будучи русскимъ по своему происхожденію, образу жизни, нравамъ, привычкамъ и наконецъ языку, вся русская университетская молодежь чувствовала себя среди подавляющей по своей численности польской молодежи совершенно чуждой. Общаго дѣйствительно кромѣ желанія учиться было мало, или, лучше сказать, совсѣмъ не было.

Несомнѣнно, что, будь то не русскіе или поляки, а русскіе и французы или нѣмцы или поляки и французы,—за сближеніемъ, несмотря на разницу въ національныхъ чертахъ, дѣло бы не стало.

Молодость близко сходится и общится на почвѣ науки и общихъ всѣмъ условій университетской жизни. Но слишкомъ много къ тому времени накопилось національной вражды, слишкомъ были обострены отношенія между побѣдителями и побѣжденными. Не прошло вѣдь и 10 лѣтъ со времени послѣдняго возстанія. Отчужденіе проявилось сразу и продолжалось до самаго окончанія курса. Незнакомцами и нежеланными гостями явились въ университетъ русскіе, нежеланными были во все время пребыванія въ университетѣ и совершенно чуждыми покинули они университетъ.

На трудное и безотрадное положеніе обрекла національная отчужденность русскихъ студентовъ Варшавскаго университета, вмѣшавшихъ несчастіе обучаться въ этомъ высшемъ учебномъ заведеніи. вмѣсто открытыхъ дружескихъ товарищескихъ отношеній, которыми такъ привлекательны университетскіе годы, холодное равнодушіе, подчасъ пасмѣшливое и чуть не враждебное отношеніе. Повятно, что ничѣмъ хорошимъ нельзя помянуть эти тяжелые годы.

Въ чемъ же оно заключалось—это отчужденіе? Прежде всего въ томъ, что первоначально ни русскіе студенты, ни студенты-поляки повидимому не обращали другъ на друга вниманія. Русскаго студента сейчасъ можно было отличить по совершенному незнанію польскаго языка да, кромѣ того, поляки отлично всѣ знали другъ друга. Несмотря на видимое игнорированіе русскихъ, поляки проявляли иногда нѣкоторое ироническое къ нимъ отношеніе, хоть дѣлали они это, надо признать, очень осторожно.

Ироническая улыбка и вскользь сказанное тихо другъ другу слово иногда только выдавали ихъ чувства. Особенно возбуждала

ихъ недоумѣніе, смѣшанное съ чувствомъ превосходства, поступавшіе въ число студентовъ воспитанники семинарій.

Семинаристы, какъ то извѣстно вообще, не отличаются свѣтскостью и изящными приемами, да и одѣты они были далеко не съ такимъ изяществомъ, какъ обыкновенно привыкли одѣваться поляки-варшавяне. Эти ихъ качества и громкій не стѣсняющійся подчасъ разговоръ по-русски другъ съ другомъ вызывали улыбки поляковъ-студентовъ. Отъ рѣшенія всѣхъ общихъ вопросовъ университетской жизни русскіе студенты были молчаливо устранены. Хотя ихъ и не много было, этихъ вопросовъ, но время отъ времени они возникали и рѣшались kolejno самими поляками безъ всякаго участія русскихъ. Къ числу такого рода вопросовъ относились, напр., устройство ежегодно огромнаго концерта въ пользу недостаточныхъ студентовъ, — концерта, въ которомъ принимали участіе всѣ лучшія силы польскаго артистическаго міра и дававшего, благодаря вообще симпатіи польскаго общества къ учащейся польской университетской молодежи, весьма крупный доходъ.

Къ устройству этого концерта были допущены только поляки, деньги распределялись исключительно между ими. Ни одному русскому студенту и въ голову не приходило помогать принять участіе въ дѣлѣ, которое считалось поляками чisto своимъ, домашнимъ, мѣстнымъ. То же нужно сказать и о балахъ въ пользу студентовъ. Въ рѣдкихъ коллективныхъ сношеніяхъ съ профессорами русскіе студенты тоже участія не принимали.

Несомнѣнно, что въ стѣнахъ университета, при ежедневномъ невольномъ общеніи и сидѣніи бокъ о бокъ на скамьяхъ при слушаніи лекцій съ теченіемъ времени завязывались кой-какія знакомства между русскими и польскими студентами. Иначе и быть не могло, но знакомства эти и отношенія далѣе университетскихъ стѣнъ не проникали и касались только взаимныхъ услугъ по части записыванія и исправленія профессорскихъ лекцій. Въ самомъ уже концѣ университетскаго курса я былъ знакомъ съ нѣкоторыми изъ поляковъ-студентовъ и то съ тѣми, которые старательно посѣщали лекціи. Но далѣе простого знакомства и немногихъ словъ въ стѣнахъ университета дѣло не шло.

Что же касается до студентовъ-аристократовъ, которые всегда попадаются во всѣхъ заведеніяхъ или т. наз. пановъ, какъ ихъ называли сами студенты-поляки, то они держались въ сторонѣ не только отъ русскихъ, но и отъ своихъ братьевъ поляковъ, и мы, русскіе, такъ таки до самаго окончанія курса не проговорили къ нимъ ни слова, какъ равно и они къ намъ.

Въ самомъ концѣ университетскаго курса явился родъ попытки

нѣкотораго если не сближенія, то во всякомъ случаѣ общеніи. Дѣло шло о снятіи фотографической группы всѣхъ безъ исключенія студентовъ, прослушавшихъ вмѣстѣ 4-хъ лѣтній курсъ юридическаго факультета. Группа предполагалась для преподнесенія декану факультета профессору Голевинскому, а копія съ нея должны были получить участники.

Поляки относились особенно недружелюбно къ студентамъ, бывшимъ до того униатами и затѣмъ перешедшимъ въ православіе. Таковыхъ было нѣсколько человекъ у насъ на 4 курсѣ, и вотъ двоихъ изъ нихъ они забраковали, заявивъ, что не желаютъ, чтобы они приняли участіе въ группѣ, не объясняя при этомъ причины. Русскіе студенты запротестовали, и тогда я и другой студентъ русскій, мой товарищъ по первой гимназій, были приглашены въ качествѣ представителей отъ русскихъ студентовъ на общую сходку для рѣшенія этого вопроса. Сходка была назначена на квартирѣ одного студента, жившаго у родителей. Какъ и слѣдовало предвидѣть, ничего изъ нашего протеста не вышло. Поляки въ концѣ концовъ ничего не сказали опредѣленнаго, но сдѣлали по-своему и двоихъ непріятныхъ имъ студентовъ исключили все-таки изъ группы. Результатъ этой сходки сказался собственно въ томъ, что я высказалъ студентамъ полякамъ нѣсколько сильныхъ словъ по поводу того, что они, не имѣя никакого рѣшительнаго основанія, все время игнорировали русскихъ студентовъ и даже чуждались ихъ. Мои однако слова были выслушаны въ совершенномъ молчаніи и ни отъ кого никакого отвѣта, ни возраженія я не получалъ, отношенія же продолжались прежнія.

Затѣмъ послѣ окончанія экзаменовъ русскіе студенты были приглашены на прощальный пикникъ за городомъ, но я, будучи обиженъ выключеніемъ изъ группы 2 русскихъ моихъ сотоварищей и тѣмъ, что въ снятой къ тому времени группѣ отдѣльные медальоны въ фотографіи русскихъ студентовъ были видимо умышленно помѣщены въ такомъ углу группы, что даже сама Фемида отвернулась отъ нихъ, при чемъ помѣщены они были отдѣльной группой подъ всѣми остальными студентами-поляками и рядомъ со студентами, не пользовавшимися рѣшительно никакимъ авторитетомъ и самыми слабыми въ умственномъ отношеніи, и отказался принять участіе въ пирушкѣ. Не помню, приняла ли въ ней участіе другіе русскіе студенты.

На этомъ всѣ попытки сближенія и кончились.

Были среди русскихъ студентовъ и такіе, которые входили въ болѣе близкія сношенія съ поляками, но ихъ у насъ было два-три

человѣка, и это сближеніе они покупали цѣною уступокъ, т. е. должны были непремѣнно говорить по-польски.

Они, конечно, въ счетъ не идутъ. Массаже студентовъ русскихъ и поляковъ осталась совершенно чуждой другъ другу. Что меня поражало, такъ это то, что въ то время, какъ все русское и сами русскіе студенты подвергались совершенному игнорированію, евреи, напротивъ того, играли между тѣми же поляками-студентами по временамъ даже первенствующую роль. Во всѣхъ дѣлахъ, гдѣ заинтересованы были всѣ студенты, голосъ евреевъ игралъ большую роль и съ ними видимо считались. На самой группѣ студентовъ, въ которой тѣ были размѣщены видимо по рангамъ и степенямъ того уваженія и авторитета, который пріобрѣлъ каждый среди товарищей, евреи поставлены были высоко и занимали видныя мѣста рядомъ съ самыми авторитетными студентами-поляками.

Для насъ, русскихъ, это обстоятельство казалось очень страннымъ. Вообще нужно сказать, что во многихъ случаяхъ евреи были хозяевами положенія и дѣйствовали при этомъ не стѣсняясь. Случалось, что иногда бездеремонность нѣкоторыхъ изъ этихъ господъ просто возмущала. Былъ въ числѣ студентовъ еврейчакъ, сынъ не то банкира, не то капиталиста; тотъ позволялъ себѣ покровительственно протягивать нѣкоторымъ для пожатія лѣвую руку и ничего, сходило.

Таковы были отношенія въ стѣнахъ университета.

Относительно того, что дѣлали студенты внѣ университета, сказать много по указаннымъ мною выше причинамъ не могу.

Что касается поляковъ, то въ общемъ въ описываемое мною время было сравнительно спокойно, и потому и студенты не проявляли той лихорадочной дѣятельности, какъ, напримѣръ, въ послѣдніе годы.

Какъ извѣстно, эпоха 70-хъ годовъ, средины которой касаются мои наблюденія, въ Россіи была эпохой хожденія въ народъ, преклоненія предъ нимъ, стремленія слиться съ народомъ и учиться у него.

Ничего подобнаго въ польскомъ обществѣ не замѣчалось. Ни о какомъ хожденіи въ народъ, ни о слияніи съ нимъ такъ называемая интеллигенція не думала. Польское общество того времени занимало другіе идеалы. Подъ влияніемъ литературы и жизни и главнымъ образомъ совершенной неудачи вооруженнаго возстанія за нѣсколько лѣтъ до этого поляки, а въ томъ числѣ и польская университетская молодежь, чутко отыскивавшаяся на дѣянія эпохи, поставили себѣ задачей обособленіе и самосовершенствованіе во всѣхъ отрасляхъ жизни, какъ-то: экономическомъ, умственномъ, нравствен-

номъ отношеніяхъ. Работа должна была быть созидательной, но отнюдь не разрушительной. Отсюда стремленіе къ мирному труду во всѣхъ отрасляхъ.

Понятно, что при такихъ идеалахъ, овладѣвшихъ обществомъ, не могло быть мѣста никакимъ активнымъ проявленіямъ неудовольствія. Этимъ и объясняется, что жизнь студентовъ - поляковъ внѣ стѣнъ университета носила характеръ далеко не похожій на тотъ, какой проявился даже въ Варшавскомъ университетѣ въ послѣдніе годы, когда и этотъ университетъ былъ закрытъ. Что же собственно дѣлали студенты внѣ университета?

Да то же или почти то же, что дѣлали вообще студенты въ прежнее время, не столь богатое разнаго рода явленіями политическаго характера.

Нужно сказать, что польская молодежь, учащаяся въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ, по самому своему національному характеру, вообще, а въ описываемое мною время и подавно, далеко не была склонна къ особаго рода излишествамъ и проявленіямъ буйства. О какихъ-либо грандіозныхъ попойкахъ, скандалахъ, нарушеніяхъ общественной тишины со стороны студентовъ не было слышно. Не было въ Варшавскомъ университетѣ традиціоннаго празднованія дня открытія университета подобно осужденному гр. Толстымъ Татьянину дню въ Москвѣ. Студенты даже не интересовались днемъ открытія университета, т. е. собственно преобразования его въ 1869 году изъ такъ называнной польской главной школы въ университетъ.

Университетскій судъ собирался рѣдко. Карцеръ пустовалъ, да сказать по правдѣ, я ничего о немъ за всѣ четыре года моего пребыванія въ университетѣ не слышалъ. Несомнѣнно, что студенты общались между собою, но общеніе это носило мирный характеръ. Особенно развита была жизнь въ кондитерскихъ, которыя студенты посѣщали часто и охотно. Верхія театральные всегда имѣли своихъ завсегдатаевъ изъ студентовъ.

Вотъ все, что могу сказать о жизни большинства тогдашнихъ студентовъ внѣ стѣнъ университета. Русскихъ студентовъ было, какъ я уже сказалъ, лишь нѣсколько десятковъ и, несмотря на ихъ сравнительную малочисленность, они общались между собою только по факультетамъ.

Юристовъ русскихъ было нѣсколько человекъ на первомъ курсѣ, переходившихъ за тѣмъ дальше и при моемъ поступленіи на высшихъ курсахъ, вѣдется, всего навсего три человекъ. Мы, поступившіе позже, не имѣли ничего общаго даже съ этими тремя-четырьмя старшими по курсу студентами. Просто не пришлось по-

знакомысь, да и знакомствъ не искали. Поступившіе со мною на первый курсъ русскіе лишь немвогіе бывали другъ у друга. Знакомство ограничивалось чаще всего университетомъ. Ни о какихъ сходкахъ, общихъ бесѣдахъ не было и рѣчи. Почему не было близкаго общенія между русскими юристами, я отвѣчать не берусь. Или народъ былъ больно замкнутый въ себѣ или мало было вообще инициативы. Вѣроятно и то и другое вмѣстѣ. Что касается студентовъ русскихъ на другихъ факультетахъ, то я не могу сказать, сходились ли они ближе, чѣмъ юристы.

Да, собственно говоря, ихъ было не много; больше всего было русскихъ на историко-филологическомъ факультетѣ, наплывъ которыхъ въ Варшавскій университетъ изъ году въ годъ усиливался.

Уроженцевъ Россіи привлекали въ Варшавскій университетъ установленныя нарочно и спеціально съ этою цѣлью стипендіи по 350 р. въ годъ, всего въ количествѣ 30. Во время моего поступленія въ университетъ оставалась незамѣщенной только одна стипендія, впоследствии же времени этихъ стипендій уже не хватало и надо было ожидать, пока онѣ откроются. Университетскія стипендіи, установленныя первоначально въ изобиліи только для русскихъ студентовъ, не могли не составлять предмета нѣкоторой зависти для поляковъ, которые хотя и пользовались пособиями и стипендіями изъ другихъ источниковъ, но несомнѣнно въ меньшемъ размѣрѣ.

Обращаясь къ умственной жизни студентовъ Варшавскаго университета въ описываемое время, слѣдуетъ вообще сказать, что ничего выдающагося она не представляла собою.

Несомнѣнно, что студенты посѣщали лекціи значительно аккуратно и усердно, чѣмъ теперь.

Нынѣ этому частому абсентеизму студентовъ на лекціяхъ способствуетъ много такихъ обстоятельствъ, какихъ въ мое время не было налицо.

Теперь, помимо прочихъ условій, имѣются, напр., почти по каждому предмету литографированныя и даже печатныя записки. Не то было раньше. Я даже не могу припомнить предмета, по которому можно было бы найти литографированныя записки, о печатныхъ же никто не имѣлъ и понятія. Попадались изрѣдка писанныя курсы лекцій за прежніе годы, но они въ большинствѣ случаевъ оказывались, какъ я имѣлъ возможность лично убѣдиться, пріобрѣты двѣ-три изъ нихъ, или мало, или даже совершенно непригодными для пользованія. И въ самомъ дѣлѣ попробуйте, какъ сдѣлалъ это я, пріобрѣсти курсъ лекцій по энциклопедіи права, когда на другой годъ профессоръ излагаетъ далеко не то, что въ прошломъ году

Отсутствіе литографированныхъ и печатныхъ курсовъ волей не-

волей заставляло студентовъ посѣщать лекціи и записывать ихъ, такъ какъ иначе готовиться къ экзамену не было по чемъ.

Правда, что были студенты, которые рѣдко посѣщали лекціи, но ихъ было очень мало и имъ приходилось во время экзамена пристраиваться къ своимъ товарищамъ, которые вели записки. Было два-три человѣка, совершенно не ходившихъ на лекціи, такъ какъ они занимались въ другихъ мѣстахъ и учрежденіяхъ съ цѣлью заработка; ихъ было очень и очень мало. Только лекціи нѣкоторыхъ профессоровъ довольно исправно пропускались многими студентами, но это были именно тѣ профессора, въ родѣ Ковалевскаго или Пленсковскаго, по предмету которыхъ можно было отвѣчать и не читая ихъ курса непременно, но какое-либо руководство.

Необходимость посѣщать лекціи съ цѣлью записыванія послѣднихъ и приготовленія научнаго матеріала для изученія предмета и прежде всего для выдержанія экзамена имѣла свою хорошую сторону, которая заключалась въ томъ, что неволью заставляла студентовъ вникать въ лекціи профессора, но одновременно съ этимъ эта же система имѣла тотъ крупный недостатокъ, что, записывая за профессоромъ, слушатели неволью больше слѣдили за тѣмъ, чтобы уловить слова, чѣмъ общій смыслъ читаемаго. И это было неизбежно.

Ежедневный опытъ показывалъ, что студенты, особенно изъ ретивыхъ, дорожа каждымъ словомъ профессора, гонялись часто скорѣе за буквою, чѣмъ за смысломъ.

Несомнѣнно, что самый рациональный способъ заключается въ томъ, чтобы, посѣщая аккуратно лекціи, внимательно выслушивать ихъ и затѣмъ уже дома, на досугѣ прочитывать ихъ. Но это, повторяю, было невозможно за отсутствіемъ печатныхъ и литографированныхъ курсовъ. Послѣдніе можно было завести съ согласія профессора, но въ мое время студенты до этого не додумались; вѣроятно не хватало инициативы. Можно было бы, выслушавъ внимательно лекцію, записать затѣмъ ея содержаніе дома, и это было бы наиболѣе полезно, но подобный способъ требовалъ много времени и еще больше труда, а потому охотниковъ продѣлывать все это не находилось.

Какъ никакъ, посѣщеніе лекцій хоть и при записываніи ихъ во всякомъ случаѣ приносило больше пользы, чѣмъ отсутствіе на лекціяхъ, и потомъ сѣшная и нелѣпая подготовка въ теченіе нѣсколькихъ дней къ экзаменамъ.

Подобная подготовка вносила въ головы студентовъ хаосъ, все сѣшно нахватанное во время ея оставалось въ головѣ совершенно не претвореннымъ лишь до дня экзамена, а затѣмъ безслѣдно испарялось.

Даже записывая аккуратно лекціи, студенты, не прочитывавшіе ихъ затѣмъ въ теченіе года, бывали въ затруднительномъ положеніи во время подготовки къ экзаменамъ, такъ какъ, записывая, не въ надлежащей мѣрѣ усваивали смыслъ читаемаго и многое для нихъ оказывалось новымъ и неяснымъ. Что же говорить послѣ того о тѣхъ студентахъ, которые лекціи посѣщали мало и въ первый разъ анакомились съ предметами по дурно и нечетко записаннымъ лекціямъ товарищей, разобраться въ которыхъ постороннему составляло подчасъ повстинѣ каторжный трудъ.

Каковъ же былъ уровень званій студентовъ и степень ихъ развитія?

На этотъ вопросъ могу чистосердечно отвѣтить, что какъ то, такъ и другое, по моему мнѣнію, оставляло въ общемъ ожидать большаго.

Какъ бы тамъ ни было, университетъ наполнялся далеко еще не зрѣлыми юношами.

Трудно было ожидать, чтобы всѣ они сразу прониклись необходимостью строго относиться къ своимъ обязанностямъ. Ихъ прежде всего не научила этому средняя школа, которую они только-что покинули.

Попадая въ университетъ, они пріобрѣтали сразу полную свободу и возможность учиться или ничего не дѣлать и, конечно, мало окрѣпшіе въ умственной, да и нравственной дисциплинѣ юноши—почти дѣти, т. к. гимназію въ мое время кончали сравнительно гораздо раньше, чѣмъ теперь въ среднемъ въ 18, 19, а то случалось и въ 17 лѣтъ, скорѣе слѣдовала второму побужденію. Юношей серьезныхъ-ригористовъ было между нами очень мало. Большинство состояло изъ жизнерадостной молодежи, весьма довольной тѣмъ, что она покинула, наконецъ, гимназическую скамью и жизнь по указкѣ.

Вотъ тутъ-то и слѣдовало университету въ лицѣ его профессоровъ и разныхъ преподавателей принять этихъ юношей подъ свое покровительство, съ тѣмъ чтобы любящей и заботливой рукой вести ихъ дальше по пути университетскаго и нравственнаго совершенствованія путемъ разумнаго воздѣйствія на неокрѣпшія еще молодыя силы.

Къ сожалѣнію, однако высшая школа проявила себя въ этомъ отношеніи безразличной.

Профессора являлись въ университетъ, читали лекціи, экзаменовали и только. Какъ они читали лекціи, я уже указалъ выше. Экзаменовали же они такъ, что давали студентамъ полную возможность почти ничего не дѣлать въ теченіе учебнаго года и, не-

смотря на то, получить удовлетворительную отмѣтку на экзаменахъ, т. е. официальное удостовѣреніе въ томъ, что данный студентъ удовлетворительно изучилъ данную науку, въ то время какъ онъ этой науки не только не изучилъ, но даже и не пытался изучать, а употреблялъ только всякаго рода усилія заставить и себя и профессора думать, что онъ что-то изучалъ и что-то знаетъ.

Я уже указывалъ на то, что тѣ профессора, которые предупреждали въ началѣ года студентовъ о необходимости посѣщать ихъ лекціи и о томъ, что будутъ требовать на экзаменѣ основательныхъ знаній, всегда достигали того, что студенты къ ихъ предмету относились серьезно, изучали его добросовѣстно и несомнѣнно знали лучше, чѣмъ предметы профессоровъ, въ этомъ отношеніи мало требовательныхъ.

Слѣдовательно, сама практика жизни, повидному, совершенно ясная и простая, подсказывала, какъ слѣдовало относиться профессорамъ къ своимъ слушателямъ. Слѣдовало требовать неуклоннаго посѣщенія лекцій, слѣдовало заботиться о томъ, чтобы студенты больше слушали преподаваніе, чѣмъ записывали лекціи со словъ профессора, для чего надлежало озаботиться доставленіемъ матерьяла для изученія предмета въ теченіе года главнымъ образомъ дома, а затѣмъ къ экзамену и наконецъ, главнымъ образомъ, слѣдовало производить экзаменъ такимъ образомъ, чтобы мало свѣдущіе и малоразвитые студенты получали на экзаменахъ такую оцѣнку, которую они заслуживали.

Все это заставило бы студентовъ волей-неволей добросовѣстно относиться къ своимъ обязанностямъ и по мѣрѣ возможности изучать серьезно извѣстный предметъ и въ концѣ концовъ знать его, и не усваивать какія-то верхушки знанія, его кусочки и отрывки только для экзамена съ тѣмъ, чтобы послѣ него основательно все выпустить изъ головы.

Я говорю только объ отношеніи къ своимъ слушателямъ профессоровъ на юридическомъ факультетѣ. На медицинскомъ, напр., и историко-филологическомъ при практическихъ занятіяхъ и постоянномъ близкомъ общеніи профессоровъ со студентами подобное отношеніе врядъ ли возможно.

Каковы же были результаты подобной системы преподаванія?

Довольно неутѣшительные. Многіе студенты кончали напр. юридическій факультетъ, очень мало вынося по части знаній по многимъ предметамъ.

Профессора, относясь безразлично къ знаніямъ слушателей на экзаменѣ, мало общаясь съ ними даже въ университетѣ, къ чтенію студентами помимо лекцій, сочиненій и книгъ относились подоб-

нымъ же образомъ. Читалъ научныя сочиненія только тотъ, кто хотѣлъ, или тотъ, кто писалъ сочиненія на заданную факультетомъ тему для полученія медали. Но такихъ студентовъ было мало, очень мало. Большинство же рѣшительно ничего не читало, ограничиваясь лишь подзубриваніемъ лекцій къ экзамену.

Повято, что уровень развитія огромнаго большинства студентовъ-юристовъ оставлялъ ожидать многого.

Я не разъ, присутствуя на экзаменахъ уже на 3 и 4 курсахъ, поражался тѣмъ незнаніемъ, малымъ пониманіемъ и чуть ли не ученическимъ развитіемъ, которое проявляли студенты. Говорились иногда такія вещи, что казалось невозможнымъ, какъ будущій гражданинъ, имѣющій удостовѣреніе въ окончаніи высшаго учебнаго заведенія, слѣдовательно, и дѣятель на разнаго рода поприщахъ жизни, могъ проявлять столь удивительное невѣжество. Однако факты были на-лицо и ничего, -- все сходило благополучно. Профессоръ поморщится, сдѣлаетъ иногда ироническое замѣчаніе, но все-таки въ концѣ концовъ приложитъ оффиціальнѣйшій штемпель въ видѣ удовлетворительной отмѣтки, долженствующій удостовѣрить всѣмъ и каждому, что данное лицо изучило извѣстную науку, и знаетъ ее и что, слѣдовательно, обладаетъ всѣми качествами для занятія хотя бы самаго высшаго положенія въ государствѣ и въ обществѣ. Случалось, что кончавшіе курсъ студенты выказывали до того поразительное мальчишество, чтобы не сказать больше, что, сидя на стулѣ и обдумывая отвѣтъ, позволяли себѣ держа подъ полузастегнутымъ мундиромъ тетрадь съ записками, читать по ней.

А что сказать, напримѣръ, о выпрашиваніяхъ подчасъ у профессоровъ высшаго балла?

Легкимъ отношеніемъ профессоровъ къ знаніямъ студентовъ объясняется, между прочимъ, то повторяющееся очень часто въ жизни явленіе, что лицо, окончившее высшее образованіе, оказывалось ниже и по знаніямъ, и по развитію лицъ, гораздо меньше учившихся, но имѣвшихъ кой-какой опытъ и смѣлкаку. Про студентовъ-юристовъ Варшавскаго университета моего времени могу сказать, что многіе изъ нихъ являли собою примѣры подобнаго рода.

Несомнѣнно, что, какъ это бываетъ всегда и вездѣ, среди студентовъ оказывались дѣльные впоследствии люди, но дѣлала ихъ такими не система преподаванія, но они сами выходили дѣльными и знающими, несмотря на эту систему.

Принято, особенно въ послѣднее время считать Варшавскій университетъ самымъ слабымъ въ Россіи по составу профессоровъ и вообще научнымъ его силамъ. Быть можетъ, въ настоящее время это и правда, но мнѣ кажется, что въ мое время было не то.

Хотя въкоторыя изъ профессоровъ (я говорю о юристахъ) и не стояли вполне на уровнѣ требованій, предъявляемыхъ къ людямъ науки и профессорамъ, тѣмъ не менѣе однако все-таки большинство отвѣчало этимъ требованіямъ, а нѣкоторые такъ даже и превышали эти требованія.

Главный ихъ недостатокъ заключался въ отсутствіи педагогическихъ приѣмовъ. Въ свои руки въ лицѣ новичковъ-студентовъ они получали сырой матеріалъ, изъ котораго можно было выработать сознательно относящихся къ наукѣ людей. Они же предоставляли эту молодежь самой себѣ, своимъ собственнымъ слабымъ силамъ.

И при такомъ, однако, составѣ, всякій, желавшій учиться и что либо знать, всегда могъ вынести изъ университета эти знанія, и, я увѣренъ, нисколько не уступалъ бы въ развитіи и знаніи студентамъ другихъ болѣе прославленныхъ по своему составу профессоровъ университетовъ Петербургскаго и Московскаго. О студентахъ же медиковъ и говорить нечего. Профессорскій персоналъ здѣсь не уступалъ нисколько другимъ университетамъ, а, пожалуй, даже и превосходилъ его.

Профессора, надо сказать къ ихъ чести, охотно шли навстрѣчу тѣмъ изъ своихъ слушателей, которые проявляли стремленіе къ научнымъ знаніямъ. Такіе студенты всегда могли рассчитывать на всякаго рода содѣйствіе профессора, выражавшееся въ бесѣдахъ на дому, снабженіи источниками и совѣтами.

Относительно себя лично могу сказать, что Варшавскій университетъ далъ мнѣ то, что я былъ въ правѣ ожидать отъ него, какъ высшаго учебнаго заведенія, и увѣренъ, что, окончивъ неэтотъ, но одинъ изъ перворазрядныхъ университетовъ, Петербургскій или Московскій, я не получилъ бы больше знаній и любви къ наукѣ, чѣмъ въ считающемся захудалымъ Варшавскомъ.

К. Н. Туръ.

